

ОСОБОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Вячеслав Александрович Сазанакоев родился в Самаре в 1951 году. Окончил культурно-просветительское училище и историко-филологический факультет Оренбургского государственного педагогического института им. В.П. Чкалова. Работал учителем в школе, затем в органах Министерства внутренних дел. Полковник милиции. Занимается историкографией и историческим краеведением. Живёт в Оренбурге.

ЛЮБОВЬ И ВОЙНА ЛЮБИМЦА МУЗ

*«В память битвы и шатров
Я домой привёз нагайку».*

А.С. ПУШКИН

Из 1828-го в 1829 год перед Александром Пушкиным располагались две линии жизни. Одна вела по пути холостяцкого времяпрепровождения, занятого литературными занятиями. Ухабы его он испытывал на своём опыте десять лет. Надыхавшись свободой, после освобождения от ссылки в Михайловском, через два года он принял решение определить свою дальнейшую судьбу в семейной жизни с любимой избранницей. Это был второй путь, к которому он склонялся последние два года. Замысел о семейной жизни, поиск

второй половинки жизненной судьбы привели его в Москву. Мысль и выбор невесты материализовались в том месте, где он родился, где проходило его детство.

В декабре 1828 года в Москве Пушкину по закономерной случайности встретилась на балу любовь. Она доставит ему большие радости и крупные хлопоты в семейной жизни. После короткой беседы с девушкой в доме учителя танцев на предновогоднем балу Александр Сергеевич решил не отступать в своём намерении жениться. Всего короткий миг взгляда и несколько слов общения; Александр Пушкин понял: это она. Более отступать от своего выбора, опаздывать и уклоняться от него он не станет. Пушкин предпримет все доступные ему усилия к тому, чтобы юная Наталья Гончарова согласилась стать его женой. На тот момент мнение её родителей, по прежнему опыту своей самоуверенности, он отставил на второй план.

В январе 1829 года Пётр Вяземский первым отметил перемену в поведении Александра Пушкина. В письме от 9 января из Москвы в Петербург в адрес А.И. Тургенева он сообщил: «Он что-то во всё время был сам не по себе. Не смею объяснить, ни угадать, что с ним, но он не был в ударе. Постоянные его посещения были у Корсаковых и у цыганок; и в том и в другом месте видел я его редко, но видал с

теми и другими и всё не узнавал прежнего Пушкина». Недоумение Петра Вяземского состояло в том, что в доме хлебосольной Марии Ивановны Римской-Корсаковой его друг должен был себя чувствовать, как рыба в воде. В своей «Заметке из воспоминаний» Пётр Андреевич, предполагая свой вывод, записал о Марии Ивановне следующее: «Она жила открытым домом, давала часто обеды, вечера, балы, маскарады, разные увеселения, зимою санные катания за городом, импровизированные завтраки. Красавицы дочери её, и особенно одна из них, намёками воспетая Пушкиным в Онегине, были душою и прелестью этих собраний». Автор воспоминаний правильно подметил причину изменения в поведении своего друга. Адресом потаённого внимания он ошибся. О судьбоносной московской встрече Александра Пушкина с Наташей Гончаровой автор воспоминаний ещё не знал. Жених совершил в пути остановку между Москвой и Петербургом. Встретившись с Алексеем Вульфом, Александр Пушкин с 6 января 1829 года жил у его родственников в Старице Тверской губернии. Затем друзья переехали в Павловское село, где пребывали две недели. Здесь, в доме Павла Ивановича Вульфа, Александр Пушкин «вставал по утрам часов в девять-десять и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие комнаты иногда с книгой в руках, хотя ни

разу не читал стихов. После этого он обыкновенно отпраплялся к соседним помещикам или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем в шахматы. <...> По вечерам часто угощали Ал. С-ча клюквой, которую он особенно любил. Клюкву с сахаром обыкновенно ставили ему на блюдечке». Воспоминания о январском пребывании А.С. Пушкина в доме у П.И. Вульфа записал тверской краевед и историк В.И. Колосов со слов Е.Е. Сеницыной — дочери священника Смирнова.

Екатерина Евграфовна Сеницына, встречаясь с обожаемым ею поэтом в кругу своих подруг, хорошо запомнила его внешний облик. Она подробно, словно художник-портретист, словами обрисовала его: «Пушкин был очень красив: рот у него был очень прелестный, с тонко и красиво очерченными губами и чудные голубые глаза. Волосы у него были блестящие, густые и кудрявые, как у мерлушки, немного только подлиннее. Ходил он в чёрном сюртуке. На туалет обращал он большое внимание. В комнате, которая служила ему кабинетом, у него было множество туалетных принадлежностей, ногтечисток, разных щёточек и т. п.».

Александр Пушкин обладал привлекательной внешностью. В домах потенциальных невест его привечали, ждали и давали согласие на проведение помолвок.

Каждый раз, до декабря 1828 года, подыскивая предлог, он неоднократно увиливал от своего выбора очередной невесты. Не каждый предлог оказывался для него удачным. Особенно блёкло он представлял себя в роли жениха перед родителями Анны Олениной. Рассматривая знаменитого гостя дома Вульфов, Екатерина Сеницына заметила в его облике то, что подмечает в мужчине внимательный взор девушки, подбирающей себе жениха. Кроме внешности, избранница внимательно осматривает состояние обуви жениха (свойство, присущее девушкам, пребывающим в возрасте «на выданье»). По воспоминаниям юной поповны Екатерины Сеницыной известно про главное. Записав себя в ряд потенциальных женихов, дворянин Александр Пушкин внешне значительно преобразился. После возвращения в Москву в 1826 году, приглашаемый на аристократические рауты московского общества, он стал много внимательнее относиться к выбору своего гардероба. К выбору обуви он относился с особым вниманием ещё с периода обучения в Лицее Царского Села и начала самостоятельной жизни в Петербурге.

По описанию Е.Е. Сеницыной, представившей аристократично и изящно выглядевшего А.С. Пушкина, не составляет труда представить сцену смущения юной Натальи Николаевны

Гончаровой. Юная барышня, в декабре 1828 года впервые выехавшая на свой первый бал, сразу же предстала перед знаменитым поэтом. Наталья Гончарова замерла, когда почувствовала на себе пронзительный взгляд и увидела «чудные голубые глаза» модно одетого кумира петербургской и московской молодёжи. Стоявший напротив неё Александр Пушкин пребывал в зените своей литературной славы. Об этом ей было доподлинно известно со слов её отца. Николай Афанасьевич Гончаров боготворил поэтические произведения своего кумира и его самого за отважный характер. Наталья Гончарова была покорена не только внешним видом Пушкина. Она услышала его голос! Юное сердце впервые в жизни дрогнуло. Тому её состоянию была веская причина. Многие современники Александра Пушкина подмечали за ним эту особенность. Когда он начинал говорить, то преображался и становился красавцем.

Наталья Гончарова потаённой частью своей женской природы на мгновение представила себе красивых детей, рождённых ею от этого мужчины. Между ней и стоявшим напротив неё мужчиной произошла незримая взору химия молекул, зарождённая по роду от Сифа и его единственной жены. В день первой своей встречи Наталья Гончарова и Александр Пушкин молча, не сговариваясь, объединили свои

судьбоносные намерения раз и навсегда.

После встречи и знакомства с Натальей Гончаровой в Москве из Павловска в Петербург Александр Пушкин выехал в середине января в компании с Алексеем Вульфом. Присутствие попутчика в санном возке оказалось полезным для влюблённого поэта вдвойне. Алексей Вульф был хорошим собеседником в пути и вёл дневник. 16 января на его страницах он записал: «Путешествие моё в Петербург с Пушкиным было довольно приятно, довольно скоро и благополучно, исключая некоторых прижимок ямщиков. <...> На станциях, во время перепрягания лошадей, играли мы в шахматы, а дорогою говорили про современные отечественные события, про литературу, про женщин, любовь и пр. <...> Пользовавшись всем достопримечательным по дороге от Торжка до Петербурга, приехали мы на третий день вечером в Петербург прямо к Андриё (где обедают все люди лучшего тону). <...> Я остановился у Пушкина в Демутовой гостинице, где он всегда живёт, несмотря на то, что его постоянное пребывание — Петербург». О возвращении в Петербург Александр Пушкин сообщил в письме Петру Вяземскому: «Я в Петербурге с неделю, не больше. Нашёл здесь всё общество в волнении удивительном. Веселятся до упаду и в стойку, то есть на раутах, которые входят здесь в большую моду».

После декабря, отправившего Александра Пушкина в направлении выстраивания отношений с девицей Гончаровой и её семейством, в январе у него состоялось второе событие. В Петербурге встречу со знаменитым русским поэтом и публицистом А.С. Пушкиным искал двадцатилетний русский литератор Н.В. Гоголь. П.В. Анненков записал его подробный рассказ о намерении встретиться со своим кумиром Русского Слова: «Тотчас по приезде в Петербург, <...> движимый потребностью видеть поэта, который занимал всё его воображение ещё на школьной скамье, прямо из дома отправился к нему. Чем ближе подходил он к квартире Пушкина, тем более овладевала им робость и наконец у самых дверей квартиры развилась до того, что он убежал в кондитерскую и потребовал рюмку ликёра... Подкреплённый им, он снова возвратился на приступ, смело позвонил и на вопрос свой: «Дома ли хозяин?» — услышал ответ слуги: «Почивают!» Было уже поздно. Гоголь с великим участием спросил: «Верно, всю ночь работал?» «Как же, работал, — отвечал слуга. — В картишки играл». Николай Васильевич Гоголь впоследствии признавался, что это был первый удар, нанесённый его идеализации имени славного поэта. Он представлял себе Пушкина не иначе как постоянно окружённого облаком вдохновения». После

первого потрясения от несостоявшейся встречи с Александром Пушкиным у Николая Гоголя надолго сохранилась инерция его поэтапного комедийно-драматического взлёта на вершину литературного поприща. Энергию движения и темы сюжетов ему неоднократно представлял тот, кто, по словам Никиты Козлова, увлечённо «в картишки играл».

При переходе времени года от зимнего периода к весеннему, как и в прежние годы, общим состоянием организма Александра Пушкина, по его словам, овладела «нравственная усталость». Для её преодоления, по замечанию П.В. Анненкова, хорошо изучившего характер поэта по архивам и воспоминаниям современников, в нём проснулась жажда «физической деятельности, <...> как верный признак отсутствия деятельности духовной». Он тайно от своих знакомых и официальных властей окончательно решил воплотить свой прежний замысел путешествия на Кавказ, в расположение действующей армии. Для этого искал предлог и составлял очередную легенду. Для её содержания имелись реальные причины. Для осуществления броска на Кавказ в Петербурге и Москве присутствовали и надёжные опоры.

Константин Яковлевич Булгаков, надёжный хранитель личных тайн, в обход первоначального уведомления тайной

полицейский стал автором подготовки официального подорожного документа для проезда Пушкина из Москвы в Тифлис. Разрешение на это было получено от генерала А.Х. Бенкендорфа. Пользуясь доверием, проведя конфиденциальные переговоры, 4 марта 1829 года Александр Пушкин получил у почт-директора Российской империи К.Я. Булгакова вид на получение лошадей на почтовых станциях по требованию от подорожной. В представленном ему официальном документе был обозначен маршрут «до Тифлиса и обратно». Через пять дней, избегая вопросов и обсуждений по поводу своего выезда среди родственников и друзей, 9 марта он отметил в полиции свой выезд. Он означил свою фамилию в соответствии с подорожной «до Тифлиса и обратно». Имена чиновников, содействовавших его выезду, Александр Сергеевич хранил в секрете. Только через пять лет после своего путешествия в черновое предисловие к «Путешествию в Арзрум» в апреле 1835 года он записал: «В 1829 году отправился я на Кавказские Воды. В таком близком расстоянии от Тифлиса мне захотелось туда съездить для свидания с братом и с некоторыми из моих приятелей». Случайное желание отправиться с лечебных вод «для свидания» в Тифлис было основным аргументом легенды для оправдания выезда во второе длительное путешествие из

Москвы за пределы Российской империи.

О сборах А.С. Пушкина в адрес генерала А.Х. Бенкендорфа 21 марта в Петербург из Москвы поступило донесение. Среди прочих слов о планах поэта указывалось на то, что поскольку «он из тех людей, у которых семь пятниц на неделе, то, может быть, или вовсе останется в Москве, или прокатит сюда (в Петербург назад)». Автор донесения, характеризуя объект своего наблюдения, сделал вывод: «Господин поэт столь же опасен для государства, как неочинённое перо». Чиновник высказал и своё предположение о цели путешествия Александра Пушкина: «Можно сильно утверждать, что путешествие устроено игроками, у коих он в тисках. Ему, верно, обещают золотые горы на Кавказе, а когда увидят деньги или поэму, то выиграют — и конец». Этот документ не стал преградой сборам к выезду Пушкина, осуществляющему свою прошлогоднюю мечту стать добровольцем в действующей армии на войне с османами.

После положенной отметки в полиции о выезде из ведомства генерала А.Х. Бенкендорфа в адрес командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала от инфантерии И.Ф. Паскевича, опережая путешествующего А.С. Пушкина, проследовало соответствующее секретное донесение. Дальнейшие события свидетельствуют о том, что к письменному

распоряжению прилагалось и устное. О нём можно размышлять только на основании того, что происходило летом 1829 года при штабе главнокомандующего особым корпусом И.Ф. Паскевича на территории Османской империи.

Приехав в Москву из Петербурга, пользуясь содействием Филиппа Вигеля, Александр Пушкин попросился с ним в дом семейства А.Я. Булгакова. На квартире Александра Булгакова впервые приоткрылся истинный замысел поездки Пушкина на Кавказ. Московский почт-директор А.Я. Булгаков сообщил своему брату, управляющему почтовым департаментом империи К.Я. Булгакову, 21 марта о том, что Пушкин «едет в армию Паскевича узнать ужасы войны, послужить волонтером, может быть, воспеть всё это. — Ах, не ездите! — сказала ему (дочь) Катя. — Там убили Грибоедова. — Будьте покойны, сударыня: неужели в одном году убьют двух Александров Сергеевичей? Будет и одного! <...> Наташа (жена Булгакова) всё твердила ему, чтобы избрал большой исторический сюжет и написал бы что-нибудь достойное его пера; но Пушкин уверял, что никогда не напишет эпической поэмы».

Факт того, что перед началом путешествия Пушкин не опасался говорить на квартире младшего брата своего друга, указывает на полное доверие между ним и

К.Я. Булгаковым. Он свидетельствует и о том, что, выписывая подорожную «до Тифлиса и обратно», Константин Яковлевич Булгаков знал об истинном намерении Александра Сергеевича Пушкина. Он, как и генерал А.Х. Бенкендорф, поддержал замысел и цель поездки автора исторических поэм. Александр Пушкин и Константин Булгаков оба имели младших братьев и любили их. Взаимное доверие, которое было между ними, процедиано было от Александра Пушкина с младшего брата Константина на Александра Булгакова. Со старшим Булгаковым он познакомился в 1826 году на квартире у князя Петра Вяземского в Москве. После прослушивания содержания «Бориса Годунова» в исполнении автора Александр Булгаков сообщил в письме Константину: «Я познакомился с поэтом Пушкиным. Рожа ничего не обещающая». После этого впечатления, в марте 1829 года, старший брат главного почтовика Российской империи вынужденно принял Пушкина в своём доме. Потенциальный путешественник посетил его, навязавшись в компанию к Филиппу Вигелю. Незваному гостю в доме Булгаковых повезло. Жена Александра Булгакова и их дочери обожали стихотворное творчество поэта. Они искренне переживали за него и его судьбу. Женская половина семейства Булгаковых задержала

Александра Пушкина после вчернего ужина. Наталья Васильевна Булгакова и её дочери Ольга и Екатерина отпустили из своего домашнего круга обожаемого ими поэта только во втором часу ночи.

Накануне тридцати лет со дня рождения Александр Сергеевич трезво оценивал своё положение «старого холостяка». Многие его друзья неоднократно слышали от него доверительные слова о желании жениться ещё в 1828 году. Он искренне желал, по воспоминанию П.А. Вяземского, «покончить жизнь молодого человека и выйти из того положения, при котором какой-нибудь юноша мог трепать его по плечу на бале и звать в неприличное общество». Состояние его перехода в зрелый возраст сохранил в своих воспоминаниях поэт и религиозный писатель А.Н. Муравьёв, знакомый с А.С. Пушкиным с 1814 года. В начале 1829 года он стал первым, отметившим конкретный объект его вожделений: «Пушкин, после бурных годов своей молодости, был страстно влюблён в московскую красавицу Гончарову, которая действительно могла служить идеалом греческой правильной красоты». После встречи Александра Пушкина и Натальи Гончаровой прошёл всего месяц, а внимательный душой и сердцем русский человек не минул записать доброе слово по адресу своего талантливого современника.

Двухмесячная задержка отъезда из Москвы в Тифлис с марта по май 1829 года имела две причины. Во-первых, путешественник ждал от генерала Бенкендорфа разрешение на свой отъезд. Такова была предварительная договорённость. Во-вторых, у него было желание получить утвердительный ответ из семейства Гончаровых по поводу срока его сватовства. Для этой цели у него была договорённость с посредником. Пушкин, используя графа Ф.И. Толстого («американца»), автора петербургской сплетни 1820 года, передал через него в адрес Натальи Ивановны Гончаровой письмо с просьбой руки её дочери Натальи Николаевны Гончаровой. В письме к матери своей избранницы он сообщил: *«Когда я увидел её в первый раз, красоту её только что начинали замечать в обществе. Я её полюбил, голова у меня закружилась, я просил её руки. Ответ ваш, при всей его неопределённости, едва не свёл меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию. Вы спросите: зачем? Клянусь, сам не сумею сказать; но тоска произвольно гнала меня из Москвы; я бы не мог в ней вынести присутствия вашего и её».*

Искренность его слов подтвердил князь Пётр Андреевич Вяземский. Он самый внимательный наблюдатель за действиями потенциального жениха. Воспоминая впечатления и откровения

Александра Пушкина от встречи с юной московской красавицей, он отметил: «Пушкин влюбился не на шутку около начала 1829 года». От ответа матери Натальи Николаевны, поступившего через посредника, под предлогом того, «что надо подождать и посмотреть, что дочь ещё слишком молода и пр.», ему в пору было впасть в отчаяние. Пушкин не был бы Пушкиным, если бы стал безвольным пленником неопределённого ответа из дома невесты. Он хорошо помнил обращённый на него взгляд юной девушки. Надежда в его сердце с того момента не угасала ни на минуту. Угнетала неопределённость ответа её матери. По его личному признанию, после ответа от неё нахлынувшая на него «тоска произвольно гнала... из Москвы». Вспоминая образ своей любви, он вопрошал: *«Поедем... но, друзья, // Скажите: в странствиях умрёт ли страсть моя? // Забуду ль гордую, мучительную деву, // Или к её ногам, её младому гневу, // Как дань привычную, любовь я принесу?»* Обращаясь к самому себе, он принял окончательное решение не отступать перед своим выбором. Продолжение решительного наступления на объект любви совпало с выездом из Москвы.

Ближе и точнее всех иных к причине сбора и выезда А.С. Пушкина в длительное путешествие служит вывод его первого

биографа П.В. Анненкова. Он представил выезд поэта на Кавказ судьбоносным. Его желание не спонтанное, оно многоплановое. Потомок русских воевод Пушкиных и Абрама Ганнибала бросок на Кавказ запланировал с целью побывать на поле сражения Русской Армии. Александр Сергеевич отправлялся не в гости и не для развлечений. Всё, что связано с его запланированной поездкой далее Тифлиса в расположение действующей армии графа Паскевича в Закавказье, Александр Пушкин занёс в свой дневник и в путевые записки «Путешествие в Арзрум». В мае он получил сообщение из Петербурга о выезде императора Николая I на коронацию в Варшаву. Это был сигнал к его отправке из Москвы. Александр Сергеевич покинул город и проследовал по намеченному рабочему маршруту своего длительного и протяжённого путешествия. В дороге он целенаправленно составлял путевые заметки. С первых же их строчек прочитывается задуманная им последовательность его второго длительного странствия: *«Из Москвы поехал я на Калугу, Белёв и Орёл, и сделал таким образом двести вёрст лишних; зато увидел Ермолова».*

Отказавшись осенью 1825 года от мысли тайно эмигрировать из России, Александр Пушкин после 1826 года надеялся на послабление со стороны императорского надзора. Он надеялся на

естественные изменения в стране после принятия правительством Присяги императору и данного ему письменного обязательства. Надежда его исходила от желания быть свободным человеком в своём Отечестве.

После смены царя на троне Русской страны желание А.С. Пушкина по первой поре совпало с реальностью. С 1826 по 1828 год ему никто не запрещал заниматься поэзией. Никто не указывал на то, что можно сочинять, а что нельзя. Его надежда начиналась на высокой мажорной ноте встречи с императором. Расставание наслоило в душу и первый диссонанс минора. Дуэт с царём не состоялся после первого же делового общения по поводу статьи «О народном воспитании». Пушкин это скоро почувствовал и осознал. Его психологическое состояние отразил историк-любитель и мемуарист Николай Васильевич Путьята. Он первым из современников отметил: «По многим признакам я мог убедиться, что покровительство и опека императора Николая Павловича тяготили его и душили. Посредником своих милостей и благодеяний государь назначил графа Бенкендорфа, начальника жандармов. К нему Пушкин должен был обращаться во всех случаях». О том, что не государь, а посредник после 1828 года негласно обеспечивал некоторые «милости и благодеяния», никто не знал. Про период жизни

и деятельности А.С. Пушкина в 1829 году представил своё замечание и польский поэт Адам Мицкевич. Он, в частности, отметил: «Ему (Пушкину) было тридцать лет. Те, которые знали его в это время, замечали в нём значительную перемену... он ныне более любил вслушиваться в рассказы народных былин и песней и углубляться в изучение отечественной истории. Казалось, он окончательно покидал чуждые области и пускал корни в родную почву. <...> Он любил обращать рассуждения на высокие вопросы религиозные и общественные, о существовании коих соотечественники его, казалось, и понятия не имели. Очевидно, поддавался он внутреннему преобразованию». Адам Мицкевич подметил самую существенную черту своего коллеги по творческому цеху. Поэт Александр Пушкин выглядел самостоятельным и независимым человеком. Начало глубокого «внутреннего преобразования» и устремления к полной свободе рельефно отразилось в содержании его путевых записок «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года». Оценку своего путешествия на Кавказ с целью пребывания на театре военных сражений он представил читателям словами «приехать на войну с тем, чтобы воспевать будущие подвиги, было бы для меня с одной стороны слишком самолюбиво, а с другой слишком

непристойно. Я не вмешиваюсь в военные суждения. Это не моё дело».

В пути Пушкин продолжал трудиться. Проявляя внимание к смене пейзажей местности, он старательно и подробно записывал всё то, что происходило вокруг него. Путешественник заносил в путевые заметки имена своих спутников и участников неординарных событий, записывал особенности состояния климата и природы, коим был свидетелем. Часть его записок схожа с пометками натуралиста. Талант же диктовал свои условия. Продвигаясь вначале на юго-запад Российской империи, путешественник вносил в записки и отдельные свои краткие аналитические выводы. Его выезд проявил русский род и характер неустрашимого бойца. Легенда о причине поездки в Тифлис с обоснованием выезда на свидание с братом Л.С. Пушкиным, служившим в армии, не имела продолжения. Она закончилась в день выезда из Москвы. Это прочитывается по его запискам.

В дневник и в записки путешественник Пушкин вносил только реальные факты. С мая по август 1829 года на его пути из Москвы в направлении Орла и далее на Кавказ, в Тифлис и далее не бегали зайцы, не попадались встречные попы. Легенды в его записях отсутствовали и при возвращении из Арзрума

в Москву через Тифлис и Владикавказ. От начала маршрута и до его окончания Александр Сергеевич записал все события, которые у него вызывали живой интерес и любопытство. В конце апреля, перед отъездом из Москвы, получив через своего посредника графа Толстого вежливый и неопределённый ответ от семейства Гончаровых, который всё-таки позволял ему надеяться на благоприятный исход сватовства, Александр Сергеевич Пушкин написал письмо Наталье Ивановне Гончаровой. Оно содержало возвышенные слова: *«Я сейчас уезжаю и в глубине своей души уважу образ небесного существа, обязанного вам жизнью»*. Одним своим предложением жених одновременно и лаконично восхвалял мать и её дочь. Профессиональный дипломат и лингвист знал цену и влияние слова. Он выиграл паузу. После этого письма в семье Гончаровых в Москве его ждали...

Москва – Тифлис

Из Москвы А.С. Пушкин выехал 1 мая 1829 года. По дорожному пропускному документу ему предписан путь через Курск и Харьков. Александр Сергеевич самостоятельно поменял маршрут своего продвижения. Он поехал через Калугу, Белёв и Орёл. Этот поворот от прямого пути на Кавказ окружного расстояния в 200 вёрст имел

определённую цель. Дорога вела путешественника к дому генерала А.П. Ермолова. Военная биография генерала от инфантерии Алексея Петровича Ермолова начиналась в 1790 году. В 1829 году, после участия в военных сражениях на протяжении сорока лет, славный защитник Русского Отечества жил в имении Орловской губернии. Этому была причина. Генерал Ермолов оставался неизменным оппозиционером и противником польской политики, заложенной императором Александром I. В его жилах текла кровь русского военного человека. Он не стеснял себя молчанием и до этого в отношении отдельных проводимых императором Павлом I военных реформ. Протестные высказывания Алексея Ермолова были известны царскому правительству. Незадолго до убийства императора, по его распоряжению, генерала дважды брали под стражу. Ермолов около месяца провёл в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Из состояния опального офицера Русской Армии Алексея Ермолова вывел Александр I по рекомендации генерала А.А. Аракчеева.

Особую славу и известность военной биографии Ермолова составила эпоха войн с войсками Наполеона. После принятия Присяги императору Российской империи всего состава армии восстановленного Царства Польского, с признанием Александра

I царём польским, генерал А.А. Аракчеев дал очередную положительную рекомендацию на А.П. Ермолова. Он рекомендовал его на пост военного министра. В ответ на это предложение ветеран Отечественной войны 1812 года и заграничных походов на Запад пожелал возглавить Отдельный Кавказский корпус. Он видел себя только в составе действующей армии.

С июля 1826 по март 1827 года генерал А.П. Ермолов командовал частями Российской армии в войне с Персией, вторгшейся в пределы Закавказья на территорию Карабахского и Тальшского ханств. В августе 1826 года, опасаясь решительного и непримиримого характера генерала, за две недели до своей коронации Николай I направил в его распоряжение своего фаворита, генерала И.Ф. Паскевича. По дороге на Кавказ посланник получил звание генерала от инфантерии. Это был прямой сигнал к смене командира действующего войскового корпуса. Замена главнокомандующего на Кавказе проходила при посредничестве генерал-адъютанта Дибича. При проведении кадровой манипуляции император, освобождая генерала А.П. Ермолова от командования войсками, 29 марта 1827 года через Дибича передал ему послание: «По обстоятельствам настоящих дел в Грузии, признав нужным дать войскам, там находящимся, особого Главного

начальника, повелеваю Вам возвратиться в Россию и оставаться в своих деревнях впредь до моего повеления».

После освобождения от командования войсками на Кавказе генерал А.П. Ермолов в мае 1829 года продолжал находиться в Орловской губернии. А.С. Пушкин в свои записки внёс координаты его местонахождения: «Он живёт в Орле, близ коего находится его деревня». От извозчика, доставившего Александра Сергеевича к дому генерала, он узнал, «что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого, набожного старика, что он не принимает одних только городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен». Пушкин приехал к дому генерала в 8.00 утра. Хозяин дома отсутствовал. Повторно гость приехал ровно в 9.00. Александра Пушкина встретил мужчина с головой «тигра на Геркулесовом торсе». Беседа путешествующего поэта Пушкина с отставным генералом Ермоловым продолжалась часа два.

Генерал Алексей Ермолов и заехавший к нему знаменитый поэт говорили о Паскевиче, графе Эриванском, об истории, написанной и изданной Карамзиным. Не обошли они в своём общении и литературу. У беседы было исключение. В ходе её у поэта России и генерала Русской Армии «о правительстве

и политике не было ни слова». От профессионального высшего офицера армии Александр Сергеевич впервые слышал созвучие своей оценке содержания «Истории государства Российского». Эту часть беседы и мнение Алексея Ермолова Александр Пушкин внёс в свои записки: «Он недоволен Историей Карамзина; он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу».

От майской встречи в поместье под Орлом сохранились примечательные слова от самого Алексея Ермолова о посетившем его неожиданном госте. В своём письме к генералу Денису Васильевичу Давыдову генерал от инфантерии Алексей Петрович Ермолов сообщил: «Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая высокая власть таланта! Я нашёл в себе чувство, кроме невольного уважения!» Об этом отзыве поэт Пушкин не узнал. Какова была бы его радость, ознакомься он в начале своего перехода на стезю исследователя истории России с отзывом о нём славного защитника и полководца Русского Отечества. Посещение генерала Ермолова в мае 1829 года окончательно проявило изначальное продвижение поэта в направлении труда историографа. Ещё до

посещения Алексея Ермолова в его имении Александр Пушкин обращался к генералу с просьбой: «Я прошу Вас позволить мне быть Вашим историком».

Поездка Александра Пушкина на Кавказ через Орловскую губернию сравнима с его творческим восхождением. Около девяти лет назад, с августа по сентябрь 1820 года, у него состоялся творческий взлёт на духовно-сакральной вершине мыса Фиолент на берегу Чёрного моря. Там, на Лукоморье, где в незапамятные времена царица амазонок первой в истории цивилизации человечества установила свой жертвенник Богу, он начал «думать и говорить стихами». В его литературном багаже, не поддаваясь влиянию скорого и бесшумного хода времени и давлению эпохальных вех правления диктаторов, расположились немеркнущие произведения: «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Борис Годунов», «Полтава». При всём при этом Александр Пушкин с 1811 года оставался бездомным сословным дворянином. Всё имущество, стихи и поэмы, бумаги, перья и чернила неизменно сопровождали его в дорожном сундуке. Теперь он, в их сопровождении, осознанно отправился преодолевать неведомые трудности и познавать неведомую ему местность.

После Орловской губернии, проехав Курск и Харьков, путешественник и сопровождавший его камердинер выехали «на прямую тифлисскую дорогу». По замечанию от пассажира пролётки, непролазную грязь русского пути можно было назвать «дорогой» только после выезда «в Воронежскую степь». По приезде в Новочеркасск Александр Пушкин случайно встретился с Владимиром Мусиным-Пушкиным. В порядке наказания он направлялся царским правительством на Кавказ в распоряжение действующей армии. После семимесячного пребывания в Петропавловской крепости за связь с участниками провального государственного переворота 14 декабря 1825 года В.А. Мусин-Пушкин был освобождён из-под ареста, затем переведён из гвардии в пехотный полк, расквартированный в Финляндии. Теперь он направлялся в военный лагерь, где его товарищи кровью доказывали свою преданность Отечеству.

Сын издателя «Слова о полку Игореве» и собирателя древностей Алексея Ивановича Мусина-Пушкина ехал на службу в распоряжение действующей армии в Закавказье в «огромной бричке». Граф Владимир Мусин-Пушкин и дворянин Александр Пушкин, лично знакомые с 1814 года, сговорились до Тифлиса продвигаться вместе.

Поэту-путешественнику повезло. Встреча с товарищем юности оказалась для него счастливой удачей. Александр Сергеевич сделал запись о бричке Мусина-Пушкина: *«В северной её части хранятся вина и съестные припасы; в южной – книги, мундиры, шляпы. <...> С западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч.»*. Особая ценность повозки, оборудованной в передвижную крепость, состояла в том, что на станциях Владимир Алексеевич выгружал из неё *«часть северных запасов»*. Александр Сергеевич за обильными яствами очередного дастархана своего попутчика проводил время, по его собственному замечанию, *«как нельзя лучше»*.

В пути путешествующий поэт неустанно и внимательно осматривал окружающую местность, нисходящую в азово-прикаспийскую пойму. В пути он записал: *«Переход... делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет... Калмыки располагаются около стационарных хат. У кибиток их пасутся их уродливые, косматые кони»*. Во время одной из остановок на почтовой станции, ради удовлетворения своего любопытства, Александр Сергеевич посетил калмыцкую кибитку. В хижине, на земляном полу, за завтраком

располагалось всё семейство. Гостю в гостеприимной кибитке приглянулась юная девушка. После угощения чаем с бараньим жиром и солью, узнав, что калмычке «десять и восемь» лет, он попытался флиртовать с ней. Реакция от девушки в ответ на его заигрывание оказалась внезапной и непредсказуемой. В ответ на повышенное внимание Пушкина *«гордая красавица ударила по голове мусикийским оружием, подобным... балалайке»*. Гость испугался боевого настроения юной кочевницы и поспешно удалился из кибитки...

По прибытии в Георгиевск, 15 мая, Александр Сергеевич начал вести «Кавказский дневник». Текст его он не планировал передавать в издательство для печати. По его мнению, *«частная жизнь писателя, как и всякого гражданина, не подлежит обнародованию»*. Итог своего знакомства с юной калмычкой он честно записал на страницу дневника: *«Калмыцкое кокетство испугало меня; я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной Цирцеи»*. Посещение семьи степных кочевников не прошло бесследно. Путешественник запомнил и составил описание калмыцкого жилья. Кибитка, которую он посетил, была сооружена из круглого плетня, обтянутого белым войлоком. В крыше её было отверстие, в которое выходил дым от костра.

В Георгиевске, поддаваясь ностальгическому чувству во-ображаемого возвращения в юность лета 1820 года, Александр Пушкин посетил Горячие воды. На склонах Машука на него нахлынули воспоминания. Они-то и стали поводом к ведению дневника. Страницы его автор именовал «ежедневными записками». Автор записей, вспоминая своё длительное путешествие в составе семьи генерала Н.Н. Раевского, на одну из его страниц записал: *«В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры ровно за девять лет. Они были всё те же, всё на том же месте. Это – снежные вершины Кавказской цепи»*. Вечером этого же дня он дописал: *«С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск. Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звёзд. Я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сживал со мною А. Раевский, прислушиваясь к мелодии вод»*.

По пути из Георгиевска бричка Мусина-Пушкина доставила путников в Екатериноград. От этой станицы начиналась военная Грузинская дорога. Здесь группу желающих продвигаться далее официально включили в «оказию». Наняв свежих лошадей, Алексей Мусин-Пушкин и Александр Пушкин, оставаясь в громадной повозке с провиантом и оружием, присоединялись к

составу оказии. Её многочисленный караван сопровождали *«конвой казачий и пехотный и одна пушка»*.

Опережая путешествующего А.С. Пушкина, в Тифлис проследовала секретная депеша. Генерал-майор барон Д.Е. Остен-Сакен в адрес губернатора Грузии генерал-адъютанта С.С. Стрекалова отослал донесение, в котором была обозначена информация о том, что «известный стихотворец, отставной чиновник X класса Александр Пушкин отправился в марте месяце из С.-Петербурга в Тифлис». В донесении генерал покорнейше просил губернатора «не оставить распоряжением вашим о надлежащем надзоре за ним по прибытии в Грузию». За поэтом, который был опасен для государства не более чем «неочинённое гусиное перо», государственный надзор осуществлялся на самом высоком уровне власти. Его тайная и главная составляющая, известная только генералу А.Х. Бенкендорфу, направлялась не на надзор за ним, а на обеспечение его безопасности.

Из Екатеринограда, бывшего «некогда наместническим городом», путь пролегал в направлении Владикавказа. В составе каравана почтовой оказии продвигался «освободившийся от опеки своих родителей» двадцатилетний Н.Б. Потокский. Благодаря этому юноше, знавшему А.С. Пушкина с 1824 года, сохранился «взгляд

со стороны» за путешествующим поэтом. В свои воспоминания юноша записал: «Всё начинало приобретать воинственный вид. Пушкин из первых оделся в черкесский костюм, вооружился пашкой, кинжалом, пистолетом; подражая ему, многие из мирных людей накупили у казаков кавказских нарядов и оружия. Наконец, наступило раннее утро, и под звуки барабана всё зашевелилось, и колонна выступила длинной вереницей; ...Пушкин затевал скачки, другие, тоже подражая ему, далеко удалялись за цепь, но всегда были возвращаемы обратно командовавшим транспортом офицером, предупреждавшим об опасности быть захваченными или подстреленными. Тогда Пушкин, подъезжая к офицеру, брал под козырёк и произносил: *«Слушаем, отец командир!»*

Когда в пути весь караван останавливался на ночлег, Александр Сергеевич непременно занимался любимым занятием: он расписывал мелом или углём стены и двери очередного дома-ночлежки. Инвалиды-сторожа, охранявшие помещения, ворчали на него и стирали его рисунки. Один из самых строгих и принципиальных ветеранов войны на просьбу присутствующих не трогать росписи поэта ответил: «Пушкин или Кукушкин — всё равно, но зачем же казённые стены пачкать, комендант за это с нашего брата строго взыскивает». Александр

Сергеевич попросил отставного солдата не сердиться, затем «потрепал его по плечу и дал на водку серебряную монету».

Н.Б. Потокский в пути следования стал свидетелем разговора поэта с местным жителем. Караван оказии остановился в селении Казбек для перемены лошадей. Юноша сопровождал Александра Пушкина по деревушке, с территории которой открывался «вид на гору Казбек». В свои воспоминания он записал: «Обходя церковь, мы увидели сидящего на камне, на самом обрыве над рекой, молодого горца красивой наружности, с русыми волосами на голове и голубыми глазами, чисто одетого в черкеску. Пушкин первый подошёл к нему и сделал вопрос по-русски: чья эта деревня? Тот ответил чистым русским языком: моя — и гордо окинул нас всех своими прекрасными глазами; разговаривая с ним, мы узнали, что этот молодой человек был владетель вышеупомянутого селения, князь Михаил Казбек. На вопрос Александра Сергеевича, почему он не едет в армию, где скоро бы получил чин, князь Казбек ответил ему, указывая на горы: «Знаете, господин, умрёт и прапорщик, и генерал одинаково, — не лучше ли сидеть дома и любоваться этой картиной?» «Да, ваша правда, князь! — добавил Александр Сергеевич. — Если б эта деревня была моя, и я бы отсюда никуда не поехал».

Впоследствии кн. Казбек вступил на службу и дослужился до генерала. Нередко я напоминал ему о нашей первой встрече».

В караване колонны, состоящей из 500 человек, во главе которого шли пехотные солдаты, путешествующий дворянин Пушкин и сосланный на войну граф Мусин-Пушкин продвигались медленно. Оказия, охраняемая военными с оружием, шла переходами по 20 вёрст. Солдаты сопровождали пушку, у которой постоянно «фитиль курилась» от трубки дежурившего около неё артиллериста. Вереница каравана продвигалась днём, в жару. Весь состав каравана начинал испытывать недостаток в продуктах. Запасы провианта по пути их следования отсутствовали, а местное население гостеприимством не отличалось, его настроение было воинственно враждебным. Рассуждая о населении Северного Кавказа, Александр Пушкин сделал следующий вывод: *«Что делать с таким народом? <...> Есть средство более сильное, более нравственное, более соответствующее с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. ...Кавказ ожидает христианских миссионеров»*. Следует обратить внимание на то, что данные слова принадлежат тому, кого совсем недавно родной отец обвинял в атеизме. Его сын в пути следования размышлял словами миссионера, воспитанного на

нравственных традициях русского православного христианства.

Во Владикавказе охрана оставила пушку в городе. Её караван далее продвигался без «курившегося фитиля». Дальнейший путь выглядел более опаснее. Опасность внезапного набега кочевых разбойников осталась позади. Теперь же, на горной дороге, угроза исходила от скрытого одиночного выстрела неизвестного стрелка. Первым местом, на котором можно было стать жертвой горного абрека, был подход к Ларсу. Когда Александр Сергеевич остановился в узком ущелье, чтобы рассмотреть поток Терека, к нему сразу же бросился солдат с криком: «Не останавливайтесь, ваше благородие, убьют!»

По воспоминанию Потокского, по ходу следования каравана «часто попадались толпы оборванных пленных турок, разрабатывающих <...> путь и обращавшихся к проезжавшим за подачками денег или табаку». Проход колонны через ущелье прошёл без выстрелов и приключений. Про его окончание Потокский отметил: «Около заката солнца прибыли в Коби». На ночёвку остановились в Ларсе. Путешествующий в составе каравана француз самым отважным путешественникам «советовал... бросить экипажи в Коби и ехать верхом». Предложение его не поддержал постовой казачий офицер. Он «не советовал рисковать проезжать

ночью через снежные горы Кре- стовую и Гут, а остаться до утра. Вся публика тотчас согласилась с умной речью».

В Ларсе, на постоялом дворе, в руки автора случайно попал кем-то оставленный измаранный список «Кавказского пленника». Александр Сергеевич прочитал его с удовольствием. В заметки по этому поводу записал с долей критики: *«Всё это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно»*. На остановке в Коби он предложил самым любопытным своим спутникам посетить большой осетинский аул, расположенный в двух верстах от места стоянки каравана. На его предложение откликнулись самые любопытные активисты. Они пожелали с Пушкиным поучаствовать в осмотре горного аула.

Инициатор похода, облачённый в красный плащ, в красной турецкой феске на голове, с суковатой палкой в руке возглавил толпу из 20 человек. Настроен он был весело. В проводники и переводчики для группы Александр Сергеевич взял «оборванного туземца». Встреча с жителями аула, в сопровождении местного «туземца», проходила благопристойно до той поры, пока осетины не спросили у переводчика о человеке, одетом в красный плащ. После ответа, что это «большой господин», Александр Пушкин решил пошутить с горцами. Он «вышел вперёд

и приказал переводчику сказать им, что «красный — не человек, а шайтан (чёрт); что его поймали ещё маленьким в горах русские; между ними он привык, вырос и теперь живёт подобно им». Свою шутку Пушкин сопровождал устрашающими гримасами на лице. Потом он поднял руки вверх, в одной из которых была палка. С угрожающим видом направился в сторону толпы местных жителей.

На фоне толпы зевак, одетых по-дорожному, человек с густыми бакенбардами на лице, с африканскими чертами, в красном плаще и красной феске реально представил местным жителям устрашающий образ. Итог его хорошо исполненной сценической шалости оказался непредсказуемым и совсем не весёлым. Своей театральной выходкой он перепугал не только детей, но и взрослых осетин. Последствия его театрального действия в горах оказались далеко не смешными. Н.Б. Потокский был свидетелем тому, чем закончилась шутка поэта. По его воспоминаниям, когда Пушкин с поднятыми руками пошёл на толпу местных жителей, среди горцев «поднялся страшный шум, визг, писк детей, — горцы бросились врассыпную, но, отбежав, начали бросать в нас камнями, а потом и приближаться всё ближе, так что камни зашвистели над нашими головами». Близилась минута трагической развязки для незваных гостей

аула. Несчастных членов каравана от разгневанной толпы осетин спас «постовой начальник... с казаками». Сопровождавший оказию, он интуитивно почувствовал опасность самовольного похода путников с отважным Пушкиным. Узнав подробности отлучки, он срочно прискакал в осетинский аул со своим разъездом. Увидев сцену избияния камнями части своей оказии, он спас её от травм и побоев.

В Коби Александр Сергеевич прислушался к очередному совету «путешественника-француза». Из телеги спутника Мусина-Пушкина он пересел на верховую лошадь. Далее проследовал «с полковником Огарёвым, осматривающим здешние дороги». Граф Мусин-Пушкин предпочёл сопровождать свою бричку, нагруженную продуктами запасами и оружием. Утром караван оказии направился в сторону горы Крестовая. Н.Б. Потокский, продолжая наблюдать за происходящим, записал: «Александр Сергеевич гарцевал на добром коне, и плащ его живописно рисовался на белом фоне долины. Благополучно совершив последний перевал через Гут-гору и переменяв лошадей на Кайшаурском посту, спустились по очень крутой квишетской дороге в долину реки Арагвы. Здесь нас встретило жаркое лето юга». Этот этап пути записал в свои записки и Александр Пушкин: «Мы круто поднимались выше и выше.

Лошади наши вязли в рыхлом снегу, под которым шумели ручьи. Я с удивлением смотрел на дорогу и не понимал возможности езды на колёсах. В это время услышал я глухой грохот. «Это обвал», – сказал мне г. Огарёв. Я оглянулся и увидел в стороне груды снега, которая осыпалась и медленно съезжала с крутизны. Малые обвалы здесь не редки. В прошлом году русский извозчик ехал по Крестовой горе. Обвал оборвался; страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телегу, лошадь и мужика, перевалилась через дорогу и покатила в пропасть со своей добычей. Мы достигли самой вершины горы. Здесь поставлен гранитный крест, старый памятник, обновлённый Ермоловым. Здесь путешественники обыкновенно выходят из экипажей и идут пешком. ...Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен. Воздух юга вдруг начинает повеять на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с её обитаемыми скалами, с её садами, с её светлой Арагвой, извивающейся, как серебряная лента, – и всё это в уменьшенном виде, на дне трёхвёрстной пропасти, по которой идёт опасная дорога.

Мы спускались в долину. Молодой месяц показался на ясном небе. Вечерний воздух был тих и тёпл. Я ночевал на

берегу Арагвы, в доме г. Чилиева. На другой день я расстался с любезным хозяином и отправился далее».

В Пайсануре навстречу колонне выехал следовавший от главнокомандующего Паскевича в Петербург адъютант барон Фёлькерзам. Он сопровождал персидского принца и военные трофеи, которые перевозил под звук колокольчиков «целый ряд катаров (мулов), привязанных один к другому и навьюченных по-азиатски». Гонец оповестил членов каравана о победе над турками. Со слов Потокского, «Александр Сергеевич крикнул: ура! — ему вторили другие спутники, — и потом начал советовать гвардейским офицерам спешить в армию: «...война может скоро кончиться, и вы, господа, можете остаться ни при чём, на бобах, итак — марш, скорее в Тифлис!» По записи самого Пушкина известно о том, что из Пайсанура он *«пошёл пешком, не дождавшись лошадей; и в полуверсте от Ананура, на повороте дороги, встретил Хозрев-Мирзу. Экипажи его стояли. Сам он выглянул из своей коляски и кивнул мне головою».*

От Пайсанура до Ананура Александр Сергеевич прошёл, *«не чувствуя усталости».* В Анануре сменные лошади отсутствовали. До очередного селения Душет, со слов поверхностно осведомлённых о местных обстоятельствах, оставалось 10 вёрст.

Поверив на слово о протяжённости предстоящего перехода, путь он снова продолжил пешком. Пройдя его между селениями, Александр Сергеевич записал: *«Эти десять вёрст стоили добрых двадцати».* Дорогу под вечер преодолевал, идя в гору; *«местами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила <...> до колена».* Помогла путнику общая физическая подготовка. Он продолжал идти, но при этом *«совершенно утомился. Темнота увеличилась».* Продвигаясь в потёмках, *«слышал вой и лай собак и радовался, воображая, что город недалеко. Но ошибался: лаяли собаки грузинских пастухов, а выли шакалы, звери в той стороне обыкновенные».*

В Душет, проклиная своё нетерпение, пеший путник Пушкин пришёл в полночь. Первый же встречный местный житель предложил себя в проводники. За доставку в распоряжение городничего он потребовал с незнакомца абаз. После проверки подорожной абаз в размере 20 копеек серебром за путешественника, после короткого спора с ним, вынужден был заплатить старый офицер из грузин. Выпив стакан вина, Александр Сергеевич надеялся отдохнуть и хорошо выспаться на предоставленном ему гостиничном диване. Про эту ночь он вспоминал с содроганием: *«...не тут-то было! Блохи, которые гораздо опаснее*

шакалов, напали на меня и во всю ночь не дали мне покою».

Утром в Душет в рядах колонны оказии прибыл и Мусин-Пушкин. В своей огромной телеге он *«благополучно переправился на волах через снеговые горы».* В Тифлис, с мыслью о предстоящих удобствах в гостеприимном городе, после тяжёлого горного перехода Александр Сергеевич отправился вместе с графом в его повозке. Из Душета их сопровождал шурин Мусина-Пушкина, офицер штаба Паскевича граф Э.К. Шернваль. Александр Пушкин переключил внимание с родовитых попутчиков на Н.Б. Потокского. Организм юноши не выдержал резкой смены сухого степного климата на влажный и прохладный горный климат Кавказа. Он заболел.

Н.Б. Потокский ехал в расположение действующей армии. У него было рекомендательное письмо, адресованное Н.Н. Раевскому, П.С. Санковскому и Д.В. Вольховскому. Юноше повезло не с письмом, а с тем обстоятельством, что в дороге его попутчиком оказался Александр Пушкин. Заболев, юный спутник поэта не смог сидеть даже в седле. Заботу о нём на остатке пути Пушкин принял на себя. Про эту неблагоприятную часть своих приключений юноша записал подробно: «Александр Сергеевич позаботился о тележке, уложил меня на сене, и так доставили полуживого в Тифлис. Он был

неотлучно подле меня в дороге и придумывал разные средства к облегчению моих страданий». С его стороны отсутствовало показное участие к больному попутчику. Он и сам неоднократно тяжело заболел в пути, знал цену своевременного оказания помощи захворавшему человеку. Юноша направлялся к его екатеринославскому спасителю и другу юности генералу Николаю Раевскому.

Н.Б. Потокский оказался в одиночестве в составе полутысячной колонны. Для Пушкина он был обычным попутчиком, который в данный момент был рядом с ним. Больному юноше, терявшему в дороге сознание, требовалось постоянное участие. Александр Сергеевич свою заботу о нём проявил не формально. Он сопровождал Потокского до Тифлиса. Имя его путешественник в свои путевые записи не занёс. Не записывал он имена и всех остальных пяти сотен попутчиков, находившихся поблизости от него. В черновые записи и пометки в 1829 году Пушкин внёс минимум имён и фамилий. Они для него представлялись важными вехами в дальней дороге, оказывали ему содействие и помощь.

В Тифлисе, по словам Александра Сергеевича, они *«неприметным образом очутились часу в одиннадцатом вечера»* 25 мая. На следующий день в городе для больного юноши скоро

отыскался доктор Иван Карлович Дешнер. Он скоро вылечил и поднял его на ноги. Придя в сознание, от своего лекаря Потокский узнал, что «Александр Сергеевич нередко приходил <...> и спрашивал: «Что, доктор, будет ли жив мой юный спутник?» Когда в комнате, где лежал без сознания больной юноша, начинался шумный разговор, Пушкин урезонивал громко беседовавших мужчин, прося их соблюдать тишину. В Тифлисе он поселился в местном трактире у Матасси. По его мнению, здесь кормили дорого и дурно. На обратном пути, вспоминая эту гастрономическую неприятность, он предпочёл поселиться в комнате Цуринова на Эриванской площади.

В Тифлисе приезд Пушкина ждали сторонники русской литературы. Его встретили и из гостиницы, где он расположился, в первую очередь повели в местные бани. Оказавшись в обширной комнате предбанника, в сопровождении банщика Александр Сергеевич прошёл, как он часто вспоминал, мимо «более пятидесяти женщин, молодых и старых, полуодетых и вовсе не одетых». Все они «сидя и стоя раздевались, одевались на лавках, расставленных около стен». Русского посетителя бани удивило безучастное поведение грузинок: «Появление мужчин не произвело никакого впечатления. Они продолжали смеяться

и разговаривать между собою». Недоумение гостя Тифлиса рассеял банщик. После дальней дороги Пушкина он препроводил в «женский день».

Александр Сергеевич, проходя мимо женщин и девушек «невидимкой», от них свой наблюдающий взор не прятал. На память записал: *«Многие из них были в самом деле прекрасны и оправдывали воображение Т. Мура: прелестная грузинская дева с ярким румянцем и свежим пыланьем, какое бывает на лицах дев её страны, когда они выходят разгорячённые из Тифлиских ключей». Лалла Рук (англ.)*. И тут же дописал: *«Зато не знаю ничего отвратительнее грузинских старух: это ведьмы»*. Настоящий восторг и ликование в бане он испытал там, где, по его впечатлению, *«горячий, железо-серный источник лился в глубокую ванну, иссечённую в скале»*.

После посещения бани в «женский день», не застав в Тифлисе генерала Николая Раевского, Александр Пушкин решил *«просить у графа Паскевича позволения приехать в армию»*. В ожидании ответа на свой запрос в городе он провёл две недели. Про название столицы Грузии путешественник записал: *«Самое его название (Тбилис-калар) значит Жаркий город»*. В свои записки Александр Сергеевич внёс историческую справку о событиях, происходивших в Грузии в окончании XVIII — начале

XIX века: *«Грузия прибегнула под покровительство России в 1783 году, что не помешало славному Аге-Мохамеду взять и разорить Тифлис и 20 000 жителей увести в плен (1795 г.). Грузия перешла под скипетр императора Александра в 1802 г.»*. Отметил он и национальную особенность народа: *«Грузины народ воинственный. Они доказали свою храбрость под нашими знамёнами. Их умственные способности ожидают большей образованности. Они вообще нрава весёлого и общительного. По праздникам мужчины пьют и гуляют по улицам. Черноглазые мальчики поют, прыгают и кувыркаются; женщины пляшут лезгинку. Голос песен грузинских приятен»*. Путешественник оставил много и иных зарисовок по местным жителям Тифлиса. Через два века они остались в записях поэта единственными ценными сведениями о бытовой и повседневной жизни предков современных грузин.

Грузины, через 170 лет поменявшие свои ориентиры с освободительной православной Москвы на заморские обещания расхристанного Вашингтона и «европейского союза», — потомки своих предков. Они по-прежнему гостеприимны, но выборочно. Современная грузинская гордость и ориентация на корысть затмили национальную тифлисскую благодарность.

Русских людей, давших им полную свободу и независимость в смертельном бою с османами, по указке извне и за невысокую маржу в долларах перевели в разряд самых опасных «врагов» Грузии.

В будущей столице народов грузинской земли Пушкина горожане приметили и запомнили. Своим необычным поведением он отличался от иных приезжавших в город иностранцев. Его повадки явно контрастировали с местными манерами поведения. Воспоминание от князя Е.О. Палавандова о пребывании русского поэта в городе записал этнограф-беллетрист С.В. Максимов. С его слов, Александр Пушкин «на Эриванскую площадь выходил в шинели, накинутой прямо на ночное бельё, покупал груши и тут же, в открытую и не стесняясь никем, поедал их. <...> Перебегает с места на место, минуты не посидит на одном, смешит и смеётся, якшается на базарах с грязным рабочим муштайдом и только что не прыгает в чехарду с уличными мальчишками. <...> В Тифлисе <...> заставил говорить о себе и покачивать многодумно головами не один год потом. Всего больше любил он армянский базар, — торговую улицу, узенькую, грязную и шумную. <...> Отсюда шли о Пушкине самые поражающие вести: там видели его, как он шёл, обнявшись с татаринном, в другом месте он переносил в открытую целую стопку чурек».

Примечательны воспоминания князя Е.О. Палавандова о грузинской аристократии при проведении роскошного пира в Тифлисе. Праздник с распитием виноградного грузинского вина проходил «в честь нового наместника, графа Паскевича». В Тифлисе он на этот момент отсутствовал. Присутствовал на грузинском пиру военный губернатор генерал-адъютант Стрекалов. В процессе застолья гостям запомнилось «лицо одного молодого человека. ...Он был во фраке и белом жилете. ...Он за стол не садился, закусывал на ходу. То подойдёт к графу, то обратится к графине, скажет им что-то на ухо, те рассмеются, а графиня просто прыскала от смеха. Эти шутки составляли потом предмет толков и разговоров во всех аристократических кружках: откуда взялся он, в каком звании состоит и кто он такой, смелый, весёлый, безбоязненный?» Причину своего неоднократного перехода от одного гостя к другому на пиру в Тифлисе Александр Пушкин отразил без восторга и прозаично: *«Генерал Стрекалов, известный гастроном, позвал однажды меня отобедать; по несчастию, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Чёрт поberi тифлисского гастронома».*

Свидетелем пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Тифлисе оказался филолог Константин Иванович Севастьянов. В письме к В.П. Горчакову, вспоминая встречу с поэтом Пушкиным, он сообщил: «Однажды, это было в Тифлисе, за обедом у издателя Тифлисской газеты Санковского, когда разговор коснулся оды Пушкина «Наполеон», я, по младости и живости моего характера, недуманно позволил себе заметить А.С. Пушкину, что он весьма слабо изобразил великого полководца, назвавши его баловнем побед, тогда как Наполеон по своим гениальным воинским способностям побеждал не случайно, а по расчёту. <...> Пушкин, взглянувши на меня не совсем благосклонно, принял мою выходку строптиво: быстро прервал разговор и замолчал». Склонность возвеличивать врага Русской страны у русского поэта отсутствовала не только на территории своего Отечества, но и за его пределами. Он не терпел мнения своих соотечественников, горячо и неоправданно поддерживающих имена иностранных полководцев. Им поражения в боях наносили русские полководцы. Их имена, личные заслуги и воинское величие называвшие себя русскими либералами и патриотами не знали.

К.И. Севастьянов, лично знакомый с бывшим офицером В.П. Горчаковым, кишинёвским

другом А.С. Пушкина, в 1829 году жил в Тифлисе. Он вспоминал, что все те, кто знал славного поэта, находясь в городе, недавно освобождённом от османов, стремились встретиться, угостить его и поговорить с ним. Все они «с ...восторгом приветствовали великого поэта». К.И. Севастьянов в честь пребывания А.С. Пушкина в Тифлисе, зная о его юбилейном дне рождения, по своей инициативе устроил загородный праздник. Организатор для юбиляра постарался. На вечере чествования гостя Тифлиса лично для именинника звучала «разная музыка, песельники, танцовщики, баядерки, трубадуры всех азиатских народов, бывших тогда в Грузии».

Константин Иванович Севастьянов вспоминал: «Более 30 единомышленников хозяев праздника заранее столпились у входа сада, чтобы восторженно встретить своего дорогого гостя». Под утро общего веселья, после того как тридцатилетний юбиляр провозгласил очередной тост, «снова застонало новое ура при искрах шампанского». На этом празднике присутствовало всё, кроме грузинского гостеприимства. В Тифлисе не грузины, а русские приветствовали своего знаменитого земляка, воспевавшего и Грузию. В конце встречи юбиляра «посадили на возвышение, украшенное цветами и растениями, и всякий из нас подходил к нему с заздравным бокалом,

и выражали ему, как кто умел, свои чувства, свою радость видеть его среди себя». Уже под утро К.И. Севастьянов записал за путешествующим поэтом его слова благодарности, обращённые к гостям. Александр Пушкин сказал: *«Я не помню дня, в который бы я был веселее нынешнего; я вижу, как меня любят, понимают и ценят, – и как это делает меня счастливым!»*

После празднования юбилея Александр Пушкин 9 июня получил долгожданную записку от генерала Николая Раевского. Из её текста он узнал радостную для себя весть. Командующий войсками на Кавказе Паскевич разрешил Пушкину самостоятельное продвижение в сторону действующей армии. Александр Сергеевич отметил момент получения вести от своего друга: *«Он писал мне, чтобы я спешил к Карсу, потому что через несколько дней войско должно было идти далее. Я выехал на другой же день».*

Тифлис – Карс – Арзрум

Жаркий и знойный Тифлис путешественник покинул в радостном расположении духа через четыре дня после празднования своего юбилея. Из города Пушкин выехал 10 июня верхом на коне. Передвигался он в сторону Карса, *«перемывая лошадей на казачьих постах».* Иногда

передвигался один, оставляя далеко позади своего сопровождавшего лакея Якима Архипова. Поступая порой опрометчиво, продвигаясь в одиночестве, он не пользовался услугой местного проводника. Про свой ночной переход по горному пути в одиночестве он записал: *«Топот моей лошади один раздавался в ночном безмолвии»*. Продвигаясь в темноте ночи, вдали рассмотрел *«уединённую саклю»*. Подъехав к жилищу, постучал в дверь. На его стук из сакли вышел хозяин. Про момент встречи с ним Александр Сергеевич записал: *«Я попросил воды сперва по-русски, а потом по-татарски. Он меня не понял»*. Не получив ответа от местного жителя, дождавшись Якима Архипова, вместе с ним доехал до следующего жилища и переночевал *«на казачьем посту»*. Общение с хозяином сакли на территории многонационального Кавказа путешественник оформил в две фразы: *«Удивительная беспечность! В тридцати верстах от Тифлиса и на дороге в Персию и Турцию он не знал ни слова ни по-русски, ни по-татарски»*.

С утра Александр Пушкин и сопровождавший его слуга Яким Архипов, оставив служивых казаков на посту, отправились в путь. Продвигаясь по дороге *«горами и лесом»*, они стали *«подыматься на Безобдал, гору, отделяющую Грузию от древней Армении»*. На вершине горы,

с его слов, проехав *«сквозь малое ущелье, <...> очутился на естественной границе Грузии»*. Преодолев Волчьи Ворота, Александр Сергеевич *«взглянул ещё раз на опалённую Грузию и стал спускаться по отлогому склону горы к свежим равнинам Армении»*. К своей радости, он почувствовал изменение окружающей среды. Записки пополнила фраза о том, что здесь *«климат был уже другой»*.

Зной грузинского климата сменила горная армянская прохлада. Пересекая границу с Турцией, Пушкин увидел, что его *«человек <...> со вьючными лошадьми <...> отстал»*. Увлечённый изучением неведомых доселе пейзажей окрестных мест, далеко опережая Якима, в одиночестве он проследовал мимо сторожевого поста. По своей рассеянности, лошадь на станции он не сменил. Под лёгким наездником свободная от вьюков лошадь за шесть часов перехода не устала. Это радовало её седока. Скоро одинокий путник заметил в стороне от дороги *«груды камней, похожие на сакли, и отправился к ним»*.

Камни, похожие на сакли, оказались жильём горцев. Александр Сергеевич записал: *«В самом деле я приехал в армянскую деревню. Несколько женщин в пёстрых лохмотьях сидели на плоской кровле подземной сакли»*. Одна из женщин сразу же догадалась о предмете

обращения приезжего незнакомца. Она спустилась в саклю и вынесла ему сыру и молока. Утолив голод и жажду, путешественник снова в одиночестве *«пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры»*. На пути к этому поселению у Александра Пушкина произошла случайная встреча, несущая на себе печать закономерности. Необъяснимая торопливость, оставившая далеко позади Якима Архипова, оказалась неслучайной. Задержись путешествующий поэт в пути на час-другой, опереди время хотя бы на полчаса, всё в этот день произошло бы по-другому.

В горной местности Армении, где *«три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега»*, 11 июня 1829 года русский поэт Александр Пушкин пересёк русло реки. Навстречу ему *«два вола, впряжённые в арбу, подымались по крутой дороге»*. Повозку сопровождали несколько грузин. Торопясь в Карс, путешественник мог проехать мимо необычной процессии. Его заинтересовал груз в арбе. Каждый из его двух кратких вопросов к сопровождавшим арбу погонщикам получили такие же краткие, но исчерпывающие ответы. На его вопрос *«Откуда вы?»* Пушкин слышал ответ: *«Из Тегерана»*. На второй вопрос: *«Что вы везёте?»* — они сказали: *«Грибоеда»*.

О траурном шествии Александр Сергеевич в путевые заметки записал: *«Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис»*. На берегу горной реки Александр Сергеевич Пушкин встретил и сопроводил своим взглядом гроб с растерзанными останками тела русского поэта Александра Сергеевича Грибоедова. Обезображенный труп посла Российской империи после надругательства над ним в Тегеране подкупленными англичанами городскими мятежниками был опознан по отметине на кисти его левой руки. Шрам на мизинце у Грибоедова сохранился от пули драгуна Якубовича. Назначенный послом в Иран Александр Грибоедов направлялся из Петербурга через Тифлис посланником в Тегеран. В Тифлисе он встретился с Александром Якубовичем. Стрелялся с ним он в окрестностях города. Дуэль проходила 23 октября 1818 года. Якубович первым стрелял в Грибоедова. Он целился ему в живот, а поразил мизинец. Грибоедов выстрелил в воздух. После поединка он признал свою вину в гибели кавалергарда В.В. Шереметьева от пули своего друга графа А.П. Завадского.

Последний раз Александр Пушкин и Александр Грибоедов встречались в Петербурге в 1828 году. Беседуя с собратом по перу, покидавшим столицу Российской империи, Александр Пушкин на

тот момент заметил, что дипломат Грибоедов «был печален и имел странные предчувствия». Пытаясь как-то успокоить своего тезку, он услышал от него ответ: «...вы увидите, что дело дойдёт до ножей». Вспоминая состояние назначенного послом Российской империи в Тегеран и его слова, сказанные перед отъездом, Александр Пушкин записал: «Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства». Вспоминая личность убиенного, не обошёл он его и добрым памятным словом. Александр Грибоедов в Тифлисе накануне своей трагической гибели «женился... на той, которую любил».

В содержание своих путевых записок А.С. Пушкин внёс характеристику, составленную им на автора «Горя от ума»: «Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, – всё в нём было необыкновенно привлекательно. Рождённый с честолубием, равным его дарованиям, долго он был опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении.

<...>Люди верят только славе и не понимают, что между ними может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротой, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в «Московском телеграфе». Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос». Автор строк Александр Пушкин принадлежал к поколению, к которому принадлежал и Александр Грибоедов.

Грибоедов в 1808 году обучался в Московском университетском благородном пансионе. В возрасте 13 лет он сдал экзамен на учёную степень кандидата словесности. Затем получил степень кандидата прав и продолжил изучение математики и естественных наук. С 1812 до 1815 года добровольно служил в кавалерийских резервах в чине корнета. Занимался публицистикой. Вошёл в число начинающих русских писателей. В 1815 году оставил службу. В 1816 году вступил в масонскую ложу «Соединённые друзья». В начале 1817 года был в числе учредителей ложи масонов «Благо». В июле получил должность губернского секретаря в Коллегии иностранных дел. В окончании этого же года прошло его назначение переводчиком. На следующий год он отказался от заманчивой поездки в США чиновником

русской миссии. После этого, получив назначение секретарём при царском поверенном в делах Персии, в начале 1819 года выезжал через Тебриз в Тегеран. Повторно в столице Ирана он пребывал с 1820 на 1821 год. Получив перелом руки, был переведён в Грузию. Здесь А. Грибоедов познакомился с коллежским ассессором В. Кюхельбекером, служившим при генерале А.П. Ермолове на Кавказе. В Грузии он приступил к работе над комедией в стихах «Горе от ума».

В 1823 году А.С. Грибоедов оставил службу. Он более двух лет жил в селе Дмитриевское Тульской области, затем в Петербурге. В середине декабря 1824 года был принят в члены Вольного общества любителей российской словесности. В конце мая 1825 года повторно отказался от поступившего ему второго предложения оставить Россию и выехать за её пределы на Запад. Служивый дворянин А.С. Грибоедов заманчивым предложением предпочёл возвращение на Кавказ. По пути в Тифлис заезжал в Киев. Здесь он встречался с М.П. Бестужевым-Рюминым, А.З. Муравьёвым, С.И. Муравьёвым-Апостолом, С.П. Трубецким. После Киева посетил в Крыму имение своего друга А.П. Завадского. Приехав на Кавказ, участвовал в военной экспедиции генерала А.А. Вельяминова. В декабре 1825 года, после событий на Сенатской площади,

в Петербурге и других городах проходили аресты мятежников. В январе 1826 года в крепости «Грозная» А.С. Грибоедов был арестован и препровождён в Петербург. По итогам следствия 2 июня 1826 года с «очистительным аттестатом» от ареста он был освобождён. За ним не значилось участие в антигосударственном заговоре. Он получил повышение в чине. Ему было выдано «не в зачёт» годовое денежное содержание. В сентябре 1826 года он вернулся в Тифлис на дипломатическую службу. Итог его возвращения и дел, поручаемых на исполнение, высоко оценил главком И.Ф. Паскевич. По его поручению А.С. Грибоедов доставил в Петербург донесение о заключённом мире с Персией, к которому имел прямое отношение.

После доклада, проведённого Николаю I, был назначен послом в Иран. При возвращении к месту службы в Тебриз три месяца провёл в Тифлисе. Здесь 3 сентября 1828 года Александр Грибоедов женился на княжне Нине Чавчавадзе. После прибытия к месту своего назначения в должности посла Российской империи он выехал из Тебриза в Тегеран для представления в качестве посла Фетх Али-шаху. В годовщину подписания Туркманчайского договора 30 января 1829 года, испытывая на себе внешнее давление из Лондона, местные власти организовали нападение толпы

местных фанатиков на русскую миссию в Тегеране. Перед нападающими была поставлена цель. Наёмники её выполнили в полном объёме. За исключением секретаря посольства Ивана Сергеевича Мальцова, укрывшегося в изолированном помещении, все дипломаты миссии Российской империи были зверски убиты, тела их растерзаны до неузнаваемости. По поводу этой трагедии откровенное сожаление звучит в словах отставного чиновника государственной службы X класса Александра Пушкина: *«Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»*

Встреча Пушкина с растерзанными останками тела Грибоедова 11 июня 1829 года произошла на вершине судьбоносного размышления. В этот день Александр Пушкин пребывал в плену воспоминаний о своей избраннице Наталье Гончаровой. Накануне, в тишине кавказской ночи, грезивший о любви поэт начертил: *«На холмах Грузии лежит ночная мгла; // Шумит Арагва предо мною. // Мне грустно и легко; печаль моя светла; // Печаль моя полна тобою, // Тобой, одной тобой... // Унынья моего // Ничто не мучит, не тревожит, // И сердце вновь горит и любит – оттого, // Что не любить оно не может».*

Сердце Пушкина рождено, чтобы любить. Потомок славных воевод Пушкиных и Ибрагима Ганнибала был близок к театру военных действий. В его любвеобильном сердце жил воин и защитник. На вершине любви и на подъезде к основной цели путешествия ему встретился влюблённый поэт, тело которого была растерзано корыстной мстью и враждой. Вспоминая о своём талантливом собрате по поэтическому перу и гениальном человеке Русского Отечества, Александр Пушкин записал: *«Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна».*

Приехав в Гергеры, А.С. Пушкин случайно встретился с Н.А. Бутурлиным. Штабс-ротмистр, как и Пушкин, ехал в армию. С походными яствами повезло вторично: *«Бутурлин путешествовал со всевозможными прихотями».* Приглашённый к столу Александр Сергеевич *«отобедал у него, как бы в Петербурге».* После совместной трапезы столличные приятели договорились далее путешествовать вместе. Однако «демон нетерпения» овладел желанием самовольного путешественника. Яким Архипов не выдержал темпа горного перехода, совершаемого Пушкиным. Лакей попросил у него пощады,

желая отдохнуть. «Сергеич» пожалел своего сопровождающего помощника. Из Гергер в направлении Пернике он вновь *«отправился один даже без проводника»*.

Путешествуя далее, он по-прежнему лишь иногда вносил имена своих сопровождающих в личные записи. Причина проста. Он оберегал их от вероятных и ненужных разборок и дознаний со стороны тех, кто осуществлял надзор за его жизнью, личными контактами и передвижениями. Пушкин, будучи опытным дипломатом, оказался прав при ведении своих записок. Никто из его современников и друзей нигде и никогда не был документально и официально внесён в то или иное событие, связанное с его именем. Он умело обходил сыщиков тайной полиции М.Я. фон Фока. Никто из его родственников и друзей никогда не попадал в поле надзора из-за его слов. Отражая в записях происходящее действие, в нём он оставлял, как правило, только своё имя.

Покинув селение Гергеры, путешествующий доброволец записал: *«Переехав через гору и спустясь в долину, осенённую деревьями, я увидел минеральный ключ, текущий поперёк дороги. Здесь я встретил армянского попа, ехавшего в Ахалцых из Эривани. «Что нового в Эривани?» – спросил я его. «В Эривани чума, – отвечал он, – а что слышать об Ахалцыхе?»*

– «В Ахалцыхе чума», – отвечал я ему. Обменявшись сими приятными известиями, мы расстались». Данная запись путешественника ценна тем, что он один из первых в исторической публицистике зафиксировал факт того, что национальную освободительную войну от колонистов и рабовладельцев сопровождают пандемии заразных болезней. Чума, как и иные заразные болезни, – обязательное оружие агрессивных колонистов западных стран. На Кавказе через четыре года материализовалась информация о чуме, про которую Александр Пушкин впервые услышал от Алексея Вульфа в Михайловском поместье. Чума в виде биологического оружия используется с незапамятных времён.

В междоусобной войне противоборствующие противники его не применяют. За распространением пандемии на полях сражения скрывается искус скрытой стороны военного конфликта. Пораженческое свойство заразной, смертельно опасной болезни используется для ослабления воюющих сторон и соседствующих с ними государств. Метод скрытого участия в войне с использованием распространения неизлечимых болезней служит гарантированной основой присвоения итогов поражения одного и победы другого противника. Обескровленные войной и обессиленные чумой две противоборствующие стороны при

проведении переговоров становятся податливыми. Чем больше очагов военных конфликтов, тем яростнее сражения и выше смертность от распространяемой пандемии. За всем этим стоит третья сторона. Она проявляет своё участие в период войны активной продажей оружия и лекарств от смертельных болезней. Стороннему участнику конфликта пандемия приносит от 300 до 3 000% дохода. Авторы военного конфликта скрываются за организацией и проведением провокаций. Предвоенные дипломатические документы составляются так, что виновник начала войны по их страницам прочитывается жертвой. Автор войны после её окончания всегда освещён ярким прожектором. Его луч неизменно высвечивает послевоенный взлёт экономики и накоплений банковского капитала стороны, заинтересованной в войне.

В Пернике путешественник в одиночестве приехал к вечеру. На посту опытный казак-урядник, по воспоминаниям автора записок, *«предсказывал <...> бурю и советовал остаться ночевать»*. Нетерпение скорее доехать в лагерь Русской Армии и увидеть друзей в военной обстановке подгоняло. Игнорируя приметку и добрый совет постового, от ночёвки Пушкин отказался. Вперёд он тронулся, подгоняемый собственным «демоном нетерпения». По его признанию, он желал *«непрерывно*

в тот же день достигнуть Гумров». На посту ему выделили вооружённого казака, знавшего дорогу. Вдвоём, верхом на конях, они под вечер отправились в путь. Как и предупреждал его урядник, оба наездника оказались под проливным дождём. Под его холодными струями нетерпеливый Пушкин скоро промок *«до последней нитки»*. В пути, за десять вёрст до Гумров, дождь закончился. Сильный ветер за четверть часа высушил одежду наездников. Получив заряд холодного дождя и полную просушку платья от холодного ветра, Александр Сергеевич поймал себя на мысли о том, что в итоге этого необдуманного переезда ему не избежать очередной горячки.

В селение Гумры он и сопровождавший его казак прибыли около полуночи. На ночёвку остановились на казачьем посту. В предложенной для отдыха палатке Александр Сергеевич рассмотрел *«двенадцать казаков, спящих один возле другого»*. Проехав за прошедшие сутки 75 вёрст без остановок, он тут же *«товалился на бурку, не чувствуя сам себя от усталости»*, впервые за все годы сразу же *«заснул как убитый»*. Утром он проснулся от шума и суеты пробудившихся соседей по палатке. Первая мысль после ночи — *«не лежу ли я в лихорадке?»* Самое удивительное для него оказалось то, что *«не было следа не*

только болезни, но и усталости». Путешественник вышел из палатки «на свежий утренний воздух. Солнце встало». Перед его взором «на ясном небе белела снеговая, двуглавая гора». На его вопрос о вершине, покрытой снегом, казаки ответили: «Это Арарат». Услышав название горы, упомянутой в Ветхом Завете, он подумал: «Как сильно действие звуков!» Под впечатлением обзора панорамы взыграло воображение. Александр Сергеевич запечатлел своё состояние того момента словами: «Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к её вершине с надеждой обновления и жизни – и врана и голубицу, излетающих, символы казни и примирения...»

Казаки для дальнейшего перехода выдали Пушкину отдохнувшего коня. С места ночёвки к границе Армении с Турцией он снова выехал в сопровождении вооружённого казака. Рубежом между землями двух народов была река Арпачай. Мечта путешественника сбылась. В прежние годы желая побывать за границей, теперь он «весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес <...> на турецкий берег». От этого места до осаждённой турецкой крепости Карс ему оставалось преодолеть 75 вёрст. Наездники передвигались без остановок. На половине дороги к Карсу, в армянской деревне, «выстроенной в горах на берегу

речки», остановились пообедать. Вкушая местные яства горцев, «проклятый чурек, армянский хлеб», путник поймал себя на мысли, что он «дорого бы дал за кусок русского чёрного хлеба».

После обеда проводником по дороге к Карсу по собственной инициативе вызвался «молодой турак, ужасный говорун». Содержание слов его торопливой речи казак не понимал. На дороге им встретился русский офицер. Он рассказал, «что армия выступила уже из-под Карса». После беседы с ним Пушкин вновь проявил своё нетерпение перед встречей с друзьями детства и юности. Желал он в этот момент увидеть и своего младшего брата Льва. Нетерпеливый седок погнал коня и сменил его иноходь «на крупную рысь». Вечером Пушкин, казак и проводник-турак прибыли в «турецкую деревню», расположенную в двадцати верстах от Карса.

Разгорячённый скачкой и уставший с долгой дороги, он, «соскочив с лошади, хотел войти в первую саклю». Но не тут-то было. Открыв дверь своего жилища, хозяин оттолкнул его от порога. Незванный гость, проявляя свой бойцовский характер, сразу же пустил в дело против него свою нагайку. Затеялась ссора. В ходе её проводник заступился за своего провожатого. После этого путешественника-добровольца проводили от негостеприимного дома в караван-сарай.

Здесь ему довелось долго требовать для себя лошадь. Ему отказывали. Вспомнив, на какой территории он находится, Пушкин догадался показать туркам свои деньги. После этого *«лошадь тотчас была приведена»*. Далее в путь он отправился с новым проводником, знавшим дорогу на Карс. Наездники ехали *«по широкой долине, окружённой горами»*. На одной из них показался белеющий вдали Карс.

К стенам турецкой крепости путники прибыли под проливным дождём. За стеной Карса был слышен *«русский барабан: били зорю»*. Часовой от Пушкина принял билет и отправился к коменданту. Под потоками дождя, дожидаясь возвращения постового, он простоял около получаса. Служивый вернулся и пропустил его и сопровождавших наездников на территорию крепости. Александр Сергеевич попросил проводника-турка свести его в баню. В бане никого не оказалось. Она была закрыта. Выручил живший рядом с турецкой баней армянин. Он общался с ним на русском языке. После короткой беседы армянин пригласил Пушкина в дом. К путешественнику подошла мать гостеприимного хозяина дома и *«поцеловала... руку»*.

Из беседы с хозяином и его братом, дожидаясь приготовления еды, Александр Сергеевич узнал о том, *«что войска... выступили накануне и что ла-*

герь... находится в 25 верстах от Карса». Мать двух сыновей *«приготовила... баранину с луком, которая показалась... верхом поваренного искусства»*. После сытного и вкусного ужина все легли спать в одной комнате. Русский гость лёг около *«угасающего камина и заснул в приятной надежде увидеть на другой день лагерь графа Паскевича»*. Утром он в сопровождении младшего брата гостеприимного хозяина дома отправился осматривать город. Внимательно слушая пояснения провожатого об осаде неприступной крепости, Пушкин, *«заметь в нём охоту к войне, <...> предложил ему ехать <...> в армию»*.

Артемий, так звали армянского юношу, тотчас согласился с неожиданным предложением русского гостя. Для проезда от Карса в лагерь войск Паскевича требовалось письменное разрешение. Преодолевая бумажные формальности, Пушкин достал из кармана бумажный листок и показал его офицеру с азиатским лицом. Военный контролёр многозначительно и важно рассмотрел представленную ему бумагу, на которой было *«послание к калмычке, намаранное... на одной из кавказских станций»*. Подержав листок в руках, он разрешил следовать далее. Через полчаса Александр Пушкин и его новый спутник Артемий выехали за пределы крепостных стен Карса.

В предвкушении скорой встречи с друзьями в военном лагере Александр Сергеевич записал: *«Артемий... уже скакал подле меня на турецком жеребце с гибким куртинским дротиком в руке, с кинжалом за поясом, и бредя о турках и сражениях»*. Через два часа в сопровождении юного армянского добровольца русский доброволец выехал к берегу реки Карс-чай. С отлогого возвышения открылась панорама военного лагеря армии Паскевича. Обрадованный окончанием пути своего назначения, о том счастливом моменте Александр Сергеевич 13 июня записал: *«Через несколько минут я был уже в палатке Раевского»*.

Приезд путешествующего по Кавказу и Закавказью в расположение действующей армии добровольца Пушкина отметил в своих воспоминаниях Михаил Владимирович Юзефович. Он жил в одной походной палатке со Львом Сергеевичем Пушкиным и с Николаем Николаевичем Раевским. Они оба служили адъютантами у двадцатисемилетнего генерала Николая Раевского. Выполняя служебные обязанности, оставались с ним в прежних дружеских отношениях, уходящих своими истоками в юность. Александр Пушкин вошёл в палатку. Первое, что он увидел, — на кровати лежал больной. Это был Михаил Юзефович. Его в этот момент одолевал приступ лихорадки. Пушкин

извинился, вышел из палатки и выговорил Василию, слуге Льва Пушкина, за то, что он не предупредил о больном, которого он потревожил своим внезапным появлением.

После выздоровления поручик Юзефович познакомился со старшим братом своего однополчанина. Михаил запомнил внешний вид и характер Александра Пушкина. Он записал свои впечатления и воспоминания о путешественнике, совершившем длительный горный переход. По его словам, тридцатилетний Александр Пушкин «вовсе не был смугл, ни черноволос, как уверяют некоторые, а вполне белокож и с вьющимися волосами каштанового цвета. В его облике было что-то родное африканскому типу; но не было того, что оправдывало бы его стих о самом себе: *«Потомок негров безобразный»*. Напротив того, черты лица у него были приятные, и общее выражение очень симпатичное. В одежде и во всей его наружности была заметна светская заботливость о себе». Сохранившееся описание внешнего облика А.С. Пушкина от М.В. Юзефовича перекликается с тем восприятием, который представила за полгода до этого юная барышня-поповна Е.Е. Синицына. Очень важным представляется замечание Юзефовича по части передачи словами живописного облика поэта: «Его портрет работы Кипренского похож безукоризненно».

Путешественник прибыл в расположение действующей армии ко времени. То, о чём он мечтал и грезил, состоялось. Оказавшись под началом покровительства со стороны боевых офицеров и своих товарищей при штабе генерала Паскевича, он оказался с 13 июня 1829 года в центре боевых событий войны России с Турцией. Мирное путешествие поэта Пушкина закончилось. Начался период его добровольного участия в войне с подданными Османской империи за освобождение народов Кавказа. В составе Русской Армии 14 июня на заре, в пятом часу утра, Александр Пушкин с драгунами Нижегородского полка направился в сторону фронта обороны, которую выстроило войско османов. Об этом Александр Сергеевич подробно записал в свои записки «Путешествие в Арзрум»: *«В пятом часу войско выступило. Я ехал с Нижегородским драгунским полком, разговаривая с Раевским... Настала ночь; мы остановились в долине, где всё войско имело привал. Здесь имел я честь быть представлен графу Паскевичу. <...> Он был весел и принял меня ласково. <...> Многие из старых моих приятелей окружили меня. Я воротился к Раевскому и ночевал в его палатке. <...> На заре войско двинулось вперёд».*

Наступавшие на османов русские подразделения «благополучно прошли опасное ущелье

и стали на высотах Саган-лу в десяти верстах от неприятельского лагеря». Записывая начало своего участия в военном походе, Александр Сергеевич обратил своё внимание на окружающую войска местность. Её вид он запечатлел тремя предложениями: *«Природа около нас была угрюма. Воздух был холоден, горы покрыты печальными соснами. Снег лежал в оврагах».*

На холмах Саган-лу после обеда доброволец Пушкин услышал ружейные выстрелы. Затем он стал свидетелем того, как на склонах высот началось сражение между казаками и турками. Александр Пушкин, присутствуя на первом в своей жизни военном сражении, коротко записал: *«Раевский послал осведомиться».* После доклада генералу о проведённой им разведке на место боя было направлено подкрепление. Александр Сергеевич продолжил последовательно записывать дальнейшие события войны: *«Я поехал с Семичевым посмотреть новую для меня картину».* Его взору открылась вся панорама начавшегося сражения. Подкрепление солдат и казаков было отправлено генералом Николаем Раевским по итогам разведки, проведённой Александром Пушкиным, контратаковавшие османов казаки принудили противника отступить. Турки бежали с поля боя за противоположный склон Саган-лу. Жестокая и бескомпромиссная

проза войны подробно фиксировалась поэтом на бумаге. Подобная военно-историческая литературная хроника с поля боя войдёт в практику писателей России только через 85 лет после первой пушкинской «пробы военного пера» на территории Османской империи.

Бойцовский характер потомка русских воевод легко вписался в наблюдаемый им ход сражения. У Александра Пушкина нет даже признаков боязливости и тревоги. Более того, он фиксирует то, о чём он мечтал с детства: *«Лагерная жизнь очень мне нравилась. Пушка подымала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров»*. Сбылась его заветная мечта стать военным. Она не была надуманной. Александр Сергеевич Пушкин в одночасье в июне 1829 года оказался в центре реальных военных сражений между непримиримыми противниками. Он наблюдал и записывал увиденный им бой между русскими и османами 14 июня 1829 года. Писатель-баталист ничего не пишет о своём личном боевом запале и своих впечатлениях. Он фиксирует происходящее вокруг него. В этот же момент за ним самим наблюдали его товарищи. Они запоминали действия, исходившие от добровольца Александра Пушкина, вписывали его поступки и сказанные им слова в свои дневники и военные записки.

Поручик Николай Иванович Ушаков засвидетельствовал, а впоследствии внёс эпизод военного сражения в долине Инжа-Су в свою книгу «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг.». На её страницах он отметил: «Перестрелка 14 июня 1829 года замечательна потому, что в ней участвовал славный поэт наш А.С. Пушкин, <...> услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог уступить чувству энтузиазма... он выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. <...> Пушкин, одушевлённый отвагою, <...> схватив пику после одного из убитых казаков, устремился против неприятельских всадников. <...> Это был первый и последний военный дебют любимца муз на Кавказе». Отважного военного добровольца, «скачущего с саблею наголо против турок, на него летящих», с поля боя вывел майор Нижегородского драгунского полка Семичев. Запомнил его участником этого сражения и М.И. Пущин, автор очерка «Встреча с Пушкиным за Кавказом».

Участники сражения, вспоминая батальные сцены с османами, не обратили своего внимания на эхо из далёкого прошлого в становлении единого и централизованного Русского государства. Четыре с половиной века назад на Куликовом поле в сентябре

1380 года первым в бой с противником-наёмником Челубеем с копьём наперевес выступил русский инок Александр Пересвет. В тот год на решительное сражение с крымским беклярбеком, темником улуса Джучи Мамаем, великого русского князя Дмитрия Ивановича Рюриковича и его войско благословил святой преподобный Сергей Радонежский. В июне 1829 года в сражении на пространстве Закавказской долины Инжа-Су русский поэт Александр Пушкин представляется потомком воина Александра Пересвета. Сражение на Куликовом поле стало шагом к национальной независимости России. Сражение на поле Инжа-Су — следующий шаг. Он свидетельствовал о защите Россией национальной независимости народов Кавказа.

День очередного сражения в долине Инжа-Су литературный баталист Александр Пушкин изобразил подобно живописцу, рисующему баталию красками по полотну. Передвижение отрядов, стрельба, отдавание приказов, нервный смех наступающих, порка казаками турецких пушек плётками, атака конницы; затем пленники, портрет убитого молодого турка, допрос пленных, взрыв боезапаса в сакле от турецкого выстрела, — всё это последовательно представляет читателю первая художественная военная проза с реального поля

боевого сражения. Будучи его участником, Пушкин изобразил битву словами не из своего воображения, а с реальной батальной сцены. Он первый русский писатель-баталист. Боевой характер русского отважного дворянина сорвал его с места и понёс в гущу сражения. Свидетелем его боевого порыва стал плац-майор Александр Семёнович Гангеблов. В своих воспоминаниях он отметил: «Когда главная масса турок была опрокинута, и Раевский с кавалерией стал их преследовать, мы завидели скачущего к нам во весь опор всадника: это был Пушкин, в кургузом пиджаке и маленьком цилиндре на голове. Осадив лошадь в двух-трёх шагах от Паскевича, он снял свою шляпу, передал ему несколько слов Раевского и, получив ответ, опять понёсся к нему же, Раевскому. Во время пребывания в отряде Пушкин держал себя серьёзно, избегал новых встреч и сходил только с прежними своими знакомыми, при посторонних всегда был молчалив и казался задумчивым». Следуя всем встречам А.С. Пушкина с его знакомыми и воспоминаниям о нём, невозможно пройти мимо знаменательного и примечательного факта.

На Кавказе и за Кавказом, при взятии Арзрума «любимец муз» находился в окружении своих сверстников. Пушкин и офицеры действующей армии,

с которыми он находился под Арзрумом, были ровесниками конца XVIII и начала XIX века. По замечанию Юзефовича, поэт Пушкин не соответствовал слухам, которые его преследовали с юности: «Во всех его речах и поступках не было уже и следа прежнего разнузданного повесы. Он даже оказывался, к нашему сожалению, слишком воздержанным застольным собутыльником... он был выражением полного нравственного поворота». Пребывая рядом с Александром Пушкиным несколько недель, автор воспоминаний не минул записать о нём своё впечатление: «Он был уже глубоко верующим человеком и одумавшимся гражданином, понявшим требования русской жизни и отрешившимся от утопических иллюзий». Автор этих строк пребывал в одном шаге от дружбы со знаменитым поэтом. Юзефович — друг и сослуживец Льва Пушкина. Он удостоился чести с разрешения владельца чемодана с архивом литературных трудов осмотреть его содержание. Разбирая бумаги с младшим братом Александра Пушкина, Михаил Юзефович и Лев Пушкин открыли прекрасный, чистый автограф «Кавказского пленника». Автор подарил поэму Юзефовичу. Обрадованные друзья показали «Кавказского пленника» генералу Н.Н. Раевскому. Николай Николаевич, взяв в руки сочинение, заявил своему адъютанту о том,

что «Пушкин не имеет права дарить его другому». Спор подчинённого с командиром перешёл в рукопашную схватку. Михаил Юзефович «бросился отнимать у Николая Раевского, но должен был уступить его ломовой силе». Поэма «Кавказский пленник» осталась в руках генерала Н.Н. Раевского. Сочинение А.С. Пушкина было посвящено ему.

19 июня 1829 года поэт-доброволец А.С. Пушкин в составе Отдельного Кавказского корпуса под командованием И.Ф. Паскевича продолжил наступление в сторону Арзрума. В процессе продвижения он увидел оставленный османами *«голый труп казака, обезглавленный и обрубленный»*. После пояснения о причине такого отношения к пленным Русской Армии Александр Сергеевич записал: *«Турки отсечённые головы отсылают в Константинополь, а кисти рук, обмакнув в крови, отпечатывают на своих знамёнах»*.

В этот же день в группе офицеров во главе с генералом от инфантерии Паскевичем Пушкин выезжал в разведывательную рекогносцировку с горы, за которой, отступая, скрылись турки. К отступившему противнику прибыло *«4000 конницы, скрытой в лощине и в оврагах»*. С похода в разведку возвратились поздно. После этого в боях с османами с 14 до 19 июня наступила пауза. Затишье и отсутствие баталий позволили

путешественнику-добровольцу поработать с текстом содержания путевых заметок о походной жизни. Его записки пополнились строчками: *«За обедом запивали мы азиатский шашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах таврийских. Общество наше было разнообразно. В палатке генерала Раевского собирались беки мусульманских полков; и беседа шла через переводчика. В войске нашем находились и народы закавказских наших областей, и жители земель, недавно завоёванных».*

Внимательный взор Александра Пушкина подметил успешное продвижение тыловых частей корпуса Ивана Паскевича за авангардом его наступающих войск: *«...во всё время похода ни одна арба из многочисленного нашего обоза не была захвачена неприятелем. Порядок, с которым обоз следовал за войском, в самом деле удивителен».* К этому он как бы ненароком отметил: *«Человек мой явился в лагерь через три дня после меня».* Яким Архипов, проявляя крестьянскую сноровку, 17 июня пробрался через посты к палатке генерала Раевского. Он миновал те же трудности прохода в расположение действующей армии, которые его барин преодолевал до него. С вечера в ночь на 19 июня войсковые подразделения Отдельного Русского корпуса продолжили преследовать

отступающего противника. При этом *«граф Паскевич повелел не прекращать преследования и сам им управлял».* Михаилу Пущину стал известен манёвр неприятеля. Он сообщил Александру Пушкину о том, что из Гассан-Кале навстречу войскам Паскевича вышло «всё войско сераскира». Услышав это известие, Пушкин, по воспоминаниям Михаила Пущина, «стал прыгать и бить в ладоши, говоря, что на этот раз он непременно сражится с турком».

Его радостный бойцовский азарт выхода не получил. Во-первых, по выводу от М.И. Пущина, А.С. Пушкин «не мог из вежливости оставить Паскевича, который не хотел его отпустить от себя не только во время сражения, но и на привалах, в лагере, и вообще всегда». Во-вторых, по словам того же М.И. Пущина, «правду сказать, со всем желанием Пушкина убить или побить турка, ему уже на то не было возможности, потому что неприятель уже более нас не атаковал, а везде до самой сдачи без оглядки бежал, и все сражения, громкие в реляциях, были только преследования неприятеля, который бросал на дороге орудия, обозы, лагеря и отсталых своих людей».

С наступлением темноты атака на позиции отступивших османов была остановлена. Командующий со своим штабом расположился в селении на крыше сакли.

Штабные развели костёр. Иван Фёдорович Паскевич присел на походный стул около огня. В его отсветах Александр Сергеевич видел, как «к нему подводили пленных. Он их спрашивал». В процессе допроса пленных командующему доложили о том, что в селении оставлен большой диверсионный пороховой заряд. Генерал Паскевич, получив это донесение, со всем своим штабом срочно покинул селение. Оставив занятые позиции, командующий и офицеры направились в основной лагерь армии, от которого авангард наступающих продвинулся в сторону противника на 30 вёрст.

Приехав и расположившись в лагере, все увидели *«как вдруг небо осветилось, как будто метеором, и... услышали глухой взрыв»*. По поводу военного диверсионного факта, осуществлённого стороной противника в только что оставленном селении, Александр Пушкин записал: *«Сакля, оставленная нами назад тому четверть часа, взорвана была на воздух: в ней находился пороховой запас. Размётанные камни задавили нескольких казаков»*. Диверсия впечатлила воображение добровольца. Он только что находился на крыше той сакли вместе с Паскевичем. Своевременно поступившая информация помогла избежать неизбежной смерти от заложенного противником заряда в помещении горного жилища. От своих друзей-офицеров,

участвовавших в ночном наступлении, он узнал о том, *«что в сем сражении разбит сераскир арзрумский, шедший на присоединение к Гаки-паши с 30 000 войска. Сераскир бежал к Арзруму; войско его, переброшенное за Саган-лу, было рассеяно, артиллерия взята, и Гаки-паша один остался у нас на руках. Граф Паскевич не дал ему времея распорядиться»*.

На другой день, 20 июня, проснувшись в пятом часу вместе со всем военным лагерем по сигнальному выстрелу орудия, Александр Пушкин около палатки встретил *«графа Паскевича, вставшего прежде всех»*. На вопрос главнокомандующего, не устал ли он *«после вчерашнего»*, самовольный доброволец честно признался в том, что он *«немножко»* устал. После утреннего завтрака командующий и его штаб к *«осьми часам пришли на возвышение»*. С его вершины взору баталиста *«лагерь Гаки-паши виден был как на ладони»*. Турки стреляли с территории их стоянки из пушек, но ядра до русских позиций не долетали. Солнце поднималось к своему зениту. Наступила летняя закавказская жара. Наряду с иными наездниками, Пушкин слез с лошади, опутал руку уздечкой, лёг на траву *«и сладко заснул»*. Разбудили его *«через четверть часа»*. Нижегородцы тронулись с места в сторону неприятеля. Доброволец следовал в их составе недолго. Лошадь

под ним неожиданно захромала. Пушкин вначале отстал от полка, а затем и от всех наступающих подразделений.

На хромающей лошади он «очутился один в лесистых горах». После предупреждения о том, «что лес наполнен неприятелем», Александр Сергеевич повернул коня в обратный путь и присоединился к пехотному полку генерала Муравьёва. В составе подразделения Николая Муравьёва Александр Пушкин прибыл к лесистой лощине, в которой собрано было человек 500 пленных. Раненые османы, принимая его за лекаря, звали его к себе на помощь. Продолжая наблюдать за происходящим вокруг него, он случайно увидел необычную сцену. Тяжело раненный турок, «зажимая свою рану окровавленную тряпкою», шёл из леса в направлении толпы пленных османов. Поняв намерение солдат, охранявших пленных турков, «его приколоть, может быть, из человеколюбия», доброволец заступился за раненого османа. Помогая ему идти, он «насилу привёл его, изнеможенного и истекающего кровью, к кучке его товарищей». Здесь он наблюдал необычную для войны сцену. В толпе пленников, сидящих на земле, он увидел командира Харьковского уланского полка. Полковник Роман Романович Анреп стоял среди османов и «курил дружелюбно из их трубок, несмотря на то, что были

слухи о чуме, будто бы открывшейся в турецком лагере».

Отдохнув, уланы, а вместе с ними и Пушкин на своей хромой лошади, пустились далее. Через 15 вёрст он «нашёл Нижегородский полк, остановившийся на берегу речки посреди скал». В его составе он участвовал в преследовании отступающего противника «ещё несколько часов». К ночлегу полк нижегородцев прошёл в долину, «окружённую густым лесом». В этом месте, проскакав «более осьмидесяти вёрст», Александр Сергеевич выспался с вечера до утра, по его же выражению, «вволю». Утром, получив приказ, все наступавшие вернулись в основной лагерь. Военный бивуак Русской Армии располагался в долине на месте турецкого лагеря, взятого накануне. Александр Пушкин записал: «Палатка графа Паскевича стояла близ зелёного шатра Гаки-паши, взятого в плен... казаками». В этом месте рельеф местности поменял свои очертания. Горный хребет Саган-лу с его снежными, лесистыми горами остался позади наступавших частей корпуса. Продвижение армии, не встречая сопротивления от неприятеля, продолжилось по равнине. Преодолев Аракс по мосту «Чабан-Кэпри (мост пастуха)», русские подразделения продолжили движение на Тебриз.

Утром 24 июня все войсковые подразделения Отдельного

корпуса направились в сторону «Гассан-Кале, древней крепости, накануне занятой князем Бековичем». До расположения этой крепости оставалось 15 вёрст. Утомившийся длительным путешествием доброволец Пушкин надеялся в крепости хорошо отдохнуть. Произошло непредвиденное. Перед самым выступлением в последний переход в лагерь Нижегородского полка пришли армяне и стали жаловаться на турок. Их слова с армянского на русский язык переводчик переводил командиру уланского полка Р.Р. Анрепу. Александр Сергеевич, став свидетелем встречи полковника с армянами, записал: *«Полковник Анреп, хорошо не разобрав, чего они хотели, вообразил, что турецкий отряд находился в горах, и с одним эскадронном Уланского полка поскакал в сторону, дав знать Раевскому, что 3 000 турков находятся в горах»*. Александр Пушкин, приписанный к нижегородцам, «с великою досадою поскакал на освобождение армян» в составе отряда, во главе которого в бой впереди всех мчался полковник Анреп. Итог боевого броска на помощь мирным армянам, обиженным османами, поэт внёс в свои записки.

Возбуждённые предстоящей атакой полковник Анреп, его уланы и сопровождавший их доброволец, проскакав 20 вёрст, *«въехали... в деревню и увидели*

несколько отставших уланов, которые, спешась, с обнажёнными саблями преследовали нескольких кур». Причина военного курьёза в реальности оказалась банальной. Перевод с армянской речи, которую выслушал полковник, оказался неточным. Обиженные жители аула говорили Анрепу о сотнях волов, угнанных турками. Военный командир, не услышав перевод про рогатую скотину, услышал про сотни турок. Проявляя оперативность, он ринулся в бой во главе своего подразделения...

К крепости Гассан-Кале, занятой накануне подразделением князя Бековича, Нижегородский полк подошёл 24 июня. Крепость была ключом к Арзруму. Весь состав военного лагеря Русской Армии расположился *«в широкой равнине, расстилающейся перед крепостию»*. На этой местности 25 июня 1829 года, *«в день рождения государя императора <...> полки отслушали молебен. За обедом у графа Паскевича, когда пили здоровье государя, граф объявил поход к Арзруму. В пять часов вечера войско уже выступило»*. На следующий день подразделения, готовые к атаке на крепость, стояли *«в пяти верстах от Арзрума»*. В расположении крепости среди османов началось *«большое смятение»*. Мнения осаждённого народа и части турецких военных разошлись. Против желания жителей Арзрума открыть

ворота и сдаться выступили французские советники турецких полководцев. Они настаивали на сражении с русскими до последнего турецкого солдата. В лагерь к генералу Паскевичу пришла весть о мятеже в городе. В ходе столкновений народа с военными *«несколько франков были убиты озлобленной чернию»*.

Утром 26 июня к командиру Русской Армии *«явились депутаты от народа и сераскира»*. Генерал И.Ф. Паскевич целый день провёл в переговорах с парламентами. В город-крепость после переговоров с ними отправился *«генерал князь Бекович, хорошо знающий азиатские языки и обычаи»*. Александра Пушкина в этот момент интересовало не только описание особенностей хода войны. Его внимание привлекло состояние природы около осаждённой крепости. Он записал: *«Климат арзрумский суров. Город выстроен в лощине, возвышающейся над морем на 7 000 футов. Горы, окружающие его, покрыты снегом большую часть года. Земля безлесна, но плодоносна»*.

Утром 27 июня Отдельный Кавказский корпус Русской Армии под предводительством генерала от инфантерии И.Ф. Паскевича-Эриванского перешёл в наступление на высоту Топ-Даг. Пальба турецких пушек с её вершины перебивалась барабанным боем наступающих русских

полков. Баталист Пушкин стал свидетелем того, как *«турки бежали, и Топ-Даг был занят»*. С высоты Топ-Дага перед взором добровольца открывалась вся панорама Арзрума. На её фоне перед генералом И.Ф. Паскевичем, восседавшим верхом на коне, *«на земле сидели турецкие депутаты, приехавшие с ключами города»*. Со стороны крепости в сторону парламента стали стрелять турецкие пушки. Ядра просвистели над головой командующего. От графа Ивана Паскевича Александр Пушкин услышал фразу, обращённую к нему лично: *«Смотрите, каковы турки... никогда нельзя им доверяться»*.

От прискакавшего из Арзрума князя Бековича стало известно о том, *«что сераскир и народ давно согласны на сдачу, но что несколько непослушных арнаутов под предводительством Топчи-паши овладели городскими батареями и бунтуют»*. Генералы и *«арзрумские сановники»* просили у графа *«заставить молчать турецкие батареи»*. Помедлив, после раздумья генерал И.Ф. Паскевич сказал: *«Полно им дурачиться...»* После его фразы прицельный огонь по турецким позициям открыла русская артиллерия. Получив поражающие залпы орудий, *«неприятельская пальба мало-помалу утихла»*.

День 27 июня совпал с очередной годовщиной победы Русской

Армии над шведами и их союзниками в сражении под Полтавой в 1709 году. В этот день доброволец, участник боевого сражения с османами, писатель-баталист Александр Пушкин записал: *«Полки наши пошли в Арзрум, <...> в шесть часов вечера русское знамя развилось над арзрумской цитаделию»*. Среди победителей в скоротечном бою за основную крепость Османской империи находился потомок славных защитников Отечества: русских воевод Пушкиных и арапа Петра I, капитана Абрама Ганнибала. Цель достигнута, он крещён боевым победным сражением с противником. Александр Пушкин с детства мечтал стать защитником Русского Отечества. Свою мечту он осуществил с мая по июль 1829 года. На этот раз он совершил не шутовской бросок в середину барбарисового куста. Доброволец Александр Пушкин в составе военных частей, атакующих яростного противника, с 13 по 27 июня прошёл боевой путь от крепости Карс до крепости Арзрум. В своём длительном пути он рисковал свободой, здоровьем и самой жизнью.

В письме к сестре О.С. Павлицевой (Пушкиной), участник боевых сражений, адъютант генерала Н.Н. Раевского Лев Пушкин сообщил о брате: «Александр очень весел, судя по письму. По-видимому, он в восторге от своего путешествия.

В письме к Плетнёву он даёт подробную картину своего образа жизни в походе. Он ездит на казацкой лошади, с нагайкой в руке». Барон Антон Дельви́г, получив весточку от своего друга с Кавказа, информировал князя П.А. Вяземского: «Мы получили от Пушкина письмо из Арзрума, в котором, пишет он, ему очень весело. Дела делает он там довольно: ест, пьёт и ездит с нагайкой на казацкой лошади».

В победные дни осады и покорения Арзрума в свои «Воспоминания о Пушкине» М.В. Юзефович записал сцену, которой он сам был участником. Михаил Владимирович при авторе стал читать наизусть отрывок из поэмы «Гавриилиада». Заметив, как Александр Сергеевич резко поменялся в лице, он растерянно замолчал. После этого «Пушкин, коснувшись этой глупой выходки, говорил, как он дорого бы дал, чтобы взять назад некоторые стихотворения, написанные им в первой легкомысленной молодости».

В свободные от переходов и боевых действий дни в палатку к генералу Николаю Раевскому собирались боевые друзья и товарищи. Пригодился дорожный чемодан поэта с его содержанием. Перед отъездом в Тифлис Александр Пушкин с помощью Василия Жуковского начинал свои хлопоты по изданию без цензуры «Бориса Годунова».

Список исторической трагедии, подготовленный к изданию, находился в его походном чемодане. Николай Раевский вспоминал, что Александр Пушкин читал сочинение собравшимся офицерам в его походной палатке. Генерал попросил у автора рукописный текст сочинения для полного прочтения. Автор, передавая список Раевскому, порекомендовал перед прочтением ознакомиться с содержанием последнего тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.

На территории покорённой османской крепости произошло незабываемое событие. В Арзруме от турецкого паши, взятого в плен, Александр Пушкин услышал слова, обращённые к нему лично. Перевод их содержания он записал дословно. Узнав, что перед ним Русский Поэт, *«сухощавый старичок»* поклонился Александру Сергеевичу и сказал: «Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дerviшу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются». Слова турецкого паши впечатлили. Поэту Пушкину было с кем и с чем сравнить мудрость, услышанную им от турецкого паши. Перед сухощавым старичком Османской империи стоял тридцатилетний подданный царя

Российской империи, не имевший никаких «благ земных». О том, что в 1829 году он не только знаменитый поэт, но и многие почитатели Русской Литературы ему поклоняются, Александр Сергеевич знал из собственного опыта. Этому свидетельствовали его личные и доверительные взаимоотношения с влиятельными персонами Российской империи. На уровне его бессмертных произведений столь же бессмертно сохраняются имена всех его современников, тех, кто оберегал жизнь и честь имени поэта Пушкина с октября 1811 до января 1837 года.

Своё первое осознание нерядового события, происшедшего с ним в июле 1829 года, А.С. Пушкин отразил в своём письме, отправленном 14 июня 1836 года в адрес полковника Н.И. Ушакова. Офицер штаба Николай Иванович Ушаков в период 1828-1829 гг. заведовал в Отдельном корпусе генерала Паскевича всей его перепиской. Благодарный брату своей возлюбленной Екатерины Ушаковой Александр Пушкин в послании к нему изложил: *«С изумлением увидел я, что вы и мне даровали бессмертие – одною чертою вашего пера. Вы впустили меня в храм славы, как некогда граф Эриванский позволил мне въехать вслед за ним в завоёванный Арзрум»*. В этих его словах заключён смысл понимания не официального, а потаённого

от посторонних взглядов отношения к нему всех государственных империи, рисковавших своей служебной карьерой перед царским правительством. Они содействовали его порыву совершить путешествие за пределы Российской империи в Закавказье. Без поклонников, боготворящих литературное творчество и уважающих личность Александра Пушкина, невозможно представить его поездки в Крым (1820), в Тбилиси (1829) и в Оренбург (1833).

На территории крепости Арзрум, сдавшейся на милость победителям 27 июня, Александр Сергеевич *«с крайним изумлением встретил ...Артемия, уже разъезжающего по городу, несмотря на строгое предписание никому из лагеря не отлучаться без особенного позволения»*. В Арзруме 12 июля он записал в дневник: *«Вот уже 6 дней, как я стою в доме сарацира и долго не могу привыкнуть к этой мысли»*. Через два дня он сделал пометку о посещении турецкой бани. В крепости его внимание привлекло широкое распространение чумной пандемии. О начале противочумного карантина в Арзруме, в плену которого ему пришлось побывать в первый раз, он провёл отрывочную запись 18 июля. Ей предшествовала краткая пометка: *«Об (ед.) у Гр (афа) Паск (евича). – Харем. – Сабля»*. Она означала окончание пребывания

добровольца Пушкина в составе отдельного корпуса в Закавказье. М.И. Пущин одним из первых 18 (29) июля узнал о его возвращении в Россию. В этот день Александр Пушкин, проследовавший из Тифлиса в лагерь действующей армии при содействии и с лёгкой руки полковника Николая Ушакова, пришёл прощаться с генералом от инфантерии Иваном Паскевичем.

На предложение главкома Отдельного Кавказского корпуса, со слов Александра Сергеевича, *«быть свидетелем дальнейших предприятий»*, он якобы отказался по причине того, что *«спешил в Россию»*. Со слов однокурсника и медалиста Лицея, полковника Владимира Дмитриевича Вольховского — начальника штаба армии, прощание командующего Отдельным корпусом Паскевича с Пушкиным проходило по-иному. Рассказ Вольховского записал Н.Б. Потокский: «Паскевич неоднократно предупреждал Пушкина, что ему опасно зарываться так далеко, и советовал находиться во время дела неотлучно при себе, точь-в-точь как будто адъютанту. Это всегда возмущало пылкость характера и нетерпение Пушкина — стоять сложа руки и бездействовать. Он, как будто нарочно, дразнил главнокомандующего и, не слушая советов, при первой возможности скрывался от него и являлся где-нибудь впереди в

самой свалке сражения. ...Наконец, главнокомандующий, видя, что Пушкин явно удаляется от него, призвал его в палатку (во время доклада Вольховского) и резко объявил: — Господин Пушкин! Мне вас жаль, жизнь ваша дорога для России; вам здесь делать нечего, а потому я советую немедленно уехать из армии обратно, и я уже велел приготовить для вас благонадёжный конвой. ...Пушкин порывисто поклонился Паскевичу и выбежал из палатки».

Лицейский друг Александра Пушкина, начальник штаба Владимир Вольховский, свидетель разговора главкома с поэтом, по секрету рассказал Н.Б. Потокскому о том, что, «одною из главных причин неудовольствия главнокомандующего было нередкое свидание Пушкина с некоторыми из декабристов, находившихся в армии рядовыми». Правда его слов имеет подтверждение. Полковник В.Д. Вольховский покровительствовал всем офицерам, осуждённым в 1826 году за участие в вооружённом бунте 14 декабря 1825 года. Н.Б. Потокский, со ссылкой на «старого товарища», не прошёл мимо сообщения о том, что «некоторые личности шпионили за поведением Пушкина и передавали свои наблюдения Паскевичу, разумеется, с прибавлениями, желая тем выслужиться».

Летом 1829 года в Арзруме зеркально повторилась история,

происходившая с весны в лето 1824 года. В Одессе губернатор М.С. Воронцов предотвратил участие Александра Пушкина в неотвратимом поединке с Александром Раевским. В турецкой крепости опасность исходила от добровольных шпионов, следивших за пребыванием Александра Пушкина среди офицеров, окружавших генерала Николая Раевского. Генерал И.Ф. Паскевич рисковал своим положением, соглашаясь со своим адъютантом Н.И. Ушаковым и давая своё согласие генералу Н.Н. Раевскому на пропуск поднадзорного дворянина А.С. Пушкина за пределы границы Российской империи. В личном арсенале главкома уже располагались факты, которые его столичные противники и враги могли использовать против него самого при докладах императору. Основным из них было дружеское окружение генерала Н.Н. Раевского, состоявшее из участников и сторонников вооружённого государственного переворота 14 декабря 1825 года. Александр Пушкин находился в его подчинении без разрешения от главкома армии императора Николая I. Об этом Иван Паскевич получил информацию от Александра Бенкендорфа. Получив донесение из Петербурга, он не стал далее рисковать жизнью очередного поэта и своим должностным положением в армии. Генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич по своему должностному

положению обязан был сохранить жизнь А.С. Пушкина в условиях непредсказуемого и шаткого состояния войны и мира на территории Османской империи. В арсенале текущей войны уже имелось имя её жертвы, посла Российской империи и известного поэта Русского Отечества Александра Грибоедова. Нахождение второго поэта на грани жизни и смерти, в условиях распространения пандемии чумы, становилось нецелесообразным.

Защищая честное и славное имя генерала от инфантерии И.Ф. Паскевича, в свои «Воспоминания» М.В. Юзефович внёс «для истории того времени» имена отдельных его ярких противников. Главным из них в Петербурге был военный министр империи Чернышёв. Он умело пользовался ситуацией, в которой при генерале Н.Н. Раевском на войне в Закавказье участвовали бывшие участники заговора 14 декабря 1825 года. В Отдельном корпусе в Закавказье покровителем М.И. Пущина, П.П. Коновницына, В.А. Мусина-Пушкина, Э.К. Шернваля, А.Е. Розена, А.М. Миклашевского, П.М. Лемана выступал друг А.С. Пушкина полковник В.Д. Вольховский. Под началом генерала И.Ф. Паскевича проходил службу бывший кавалергард граф Захар Григорьевич Чернышёв, обладатель майората «в двадцать тысяч душ». Имея

виды на присвоение чужой собственности, его однофамилец, военный министр Чернышёв, по личной инициативе отправил его на каторгу. Через два года из Якутска граф З.Г. Чернышёв переехал на Кавказ в Отдельный корпус. Его освобождение от каторги грозило разоблачением военному министру.

Опасаясь прощения графу от государя, министр Чернышёв подослал к генералу Николаю Раевскому и Захару Чернышёву «своего адъютанта, рыжего Бутурлина, чтоб поймать на чём-нибудь и навредить настоящему наследнику майората». М.В. Юзефович предупредил Н.Н. Раевского и его товарищей о врождённом «наушнике» Бутурлине. Несмотря на предупреждение, адъютант военного министра Чернышёва смог их перехитрить, и всё закончилось арестом генерала Н.Н. Раевского. После ареста в Тифлисе около дверей комнаты в гостинице боевого генерала был выставлен часовой. До ареста Раевского военный министр Чернышёв выступил инициатором активного гонения на донского казака Сухорукова, служившего в подчинении генерала И.Ф. Паскевича.

Донской казак Сухоруков при составлении «Истории» Н.М. Карамзиным находился в числе активных помощников историкографа. Он владел знаниями и

первоисточниками Донского казачьего войска. Узнав о том, что казак Сухоруков составляет проект преобразования войска Донского, министр Чернышёв тайно от генерала Паскевича отправил в Тифлис своего фельдъегеря. Исполнитель ночью, подняв с постели Сухорукова, вывез его «на Дон в станицу, без права выезда из неё». Аресты и препровождение неугодных офицеров военному министру царского правительства проводились без осведомления командира Отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии И.Ф. Паскевича.

Оказаться в положении, при котором в любой день мог погибнуть в Арзруме известный и славный поэт А.С. Пушкин, главком И.Ф. Паскевич не мог и не имел права. Получив из столицы предупреждение о нежелательности пребывания самовольного добровольца на территории Турции, командующий вынужден был согласиться с его отправкой обратно в Россию. Иван Фёдорович понимал, что вина за гибель от чумы или шальной пули известного не только в России, но и за её пределами поэта в истории похода на турецкий Арзрум полностью будет возложена на него. Он пребывал под впечатлением убитого и растерзанного в Тегеране 30 января (11 февраля) 1829 года посла Александра Грибоедова. Войсковая разведка корпуса должна была

располагать сведениями о готовящейся провокации третьей стороны. Подобное выполнить ей оказалось не по силам. Не справились со своими обязанностями и окружавшие посла дипломаты. Англичане опередили. Они организовали и провели показательную месть Грибоедову за его решающее участие в подписании Туркманчайского мирного договора с персами в 1828 году.

Генерал от инфантерии И. Ф. Паскевич проявил личное внимание к добровольцу А.С. Пушкину. На память о его участии в боевом походе и покорении турецкого Арзрума он подарил ему «на память турецкую саблю», изготовленную из дамасской стали. На клинке обозначена дарственная надпись: «АРЗРУМЪ. 18 Июля 1829». После прощания с графом Паскевичем и друзьями 19 июля А.С. Пушкин в сопровождении конвоя, охранявшего его в пути, на подаренном ему боевом коне отправился в обратный путь в направлении Тифлиса.

Свою добрую память о графе Иване Фёдоровиче Паскевиче поэт-доброволец Александр Сергеевич Пушкин вписал в строчки *«Могучий мститель злых обид, // Кто покорил вершины Тавра, // Пред кем смирилась Эривань, // Кому суворовского лавра // Венок сплела тройная брань»*. Историческая ценность слов Русского Поэта велика. Её невозможно не только размыть, но и вытравить не только заказным перьям XIX

и XX века, но и фейковым авторам текущего века. Победы русского воинства в ходе войны по освобождению народов Кавказа от колониального насилия Османской империи, слава её полководца генерала И.Ф. Паскевича навечно запечатлена Русским Поэтом и участником боевых сражений летом 1829 года.

Многие участники военного похода на османский Арзрум сохранили о самом Пушкине свои воспоминания. Отважный штабс-ротмистр Михаил Владимирович Юзефович оставил подробное воспоминание о «любимце муз» и его пребывании среди драгун Нижегородского полка: «Пушкин носил у нас щёгольской чёрный сюртук, с блестящим цилиндром на голове, а потому солдаты, не зная, кто он такой, и видя его постоянно при Нижегородском драгунском полку, которым командовал Раевский, принимали его за полкового священника и звали драгунским батюшкой. Он был чрезвычайно добр и сердечен. <...> Во всех речах и поступках Пушкина не было уже и следа прежнего разнузданного повесы. Он даже оказывался, к нашему сожалению, слишком воздержанным застольным собутыльником. Он был уже глубоко верующим человеком и одумавшимся гражданином, понявшим требования русской жизни и отрешившимся от утопических иллюзий. <...> Против насмешки он оказывался

всегда почти обезоруженным и безответным. Её впечатление поражало его иногда так глубоко, что оно не сглаживалось в нём всю жизнь».

Генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич-Эриванский в истории военных событий 20-30-х годов XIX века выполнил не только тактическую, но и стратегическую роль русского полководца. Вокруг него было столько недоброжелателей и врагов, сколько не имел на тот период ни один из высших офицеров России. Исключением может быть только граф М.С. Воронцов. К исполнению этой роли он прошёл путь честного воина, отважного полководца и защитника Русского Отечества.

Боевая служебная судьба поручика Ивана Паскевича, потомственного казака и сына помещика Фёдора Паскевича, началась в 1806 году и продолжалась непрерывно до 1854 года. За годы службы в Русской Армии его противники и враги постоянно генерировали лживые слухи, которые порочили военную и офицерскую честь будущего фельдмаршала Ивана Фёдоровича Паскевича. Несмотря на многочисленные усилия своих противников и врагов, он был победителем и остался таковым в военной истории России. Граф И.Ф. Паскевич, посвящённый в трагические перипетии вокруг имени поднадзорного дворянина А.С. Пушкина, не побоялся

в адрес императора Николая I написать письмо, в котором он после убийства поэта французами в Петербурге изложил своё сожаление: «Жаль Пушкина, как литератора, в то время, когда его талант созрел...» Многое в истории человечества перечёркнуто, переписано и забыто. Много государств за прошедшие тысячелетия возникали и исчезали бесследно. Через всё это продолжает существовать память народов России и Белоруссии. Памятником русскому полководцу-победителю фельд-маршалу И.Ф. Паскевичу и его семье служит сегодня семейная часовня-усыпальница Паскевичей в составе Гомельского дворцово-паркового ансамбля. «Портрет Ивана Фёдоровича Паскевича» на фоне зелёной листвы художника Джорджа Доу располагается в составе Военной галереи героев в Зимнем дворце Петербурга.

Сабля, подаренная графом И.Ф. Паскевичем добровольцу А.С. Пушкину в июле 1829 года, свидетельствует об истинном отношении командующего Отдельным корпусом к Русскому Поэту. Сабля — символ отваги. Боевой генерал-полководец этим символом признал и подчеркнул для военной истории Русской Армии личную отвагу поэта. Покидая расположение отдельного корпуса, поэт-доброволец Пушкин из Турции в направлении Грузии выехал верхом на боевом коне.

Свой отъезд из Арзрума в обратный путь он объяснил по-своему. В текст «Путешествия в Арзрум» Александр Сергеевич записал: *«Возвращаясь во дворец, узнал я, ...что в Арзруме открылась чума. Мне тотчас представились ужасы карантина, и я в тот же день решил остаться в армии».*

После начала войны чума распространилась по местам боевых сражений на Кавказе и в Закавказье. Поставив перед собой цель всё увидеть собственными глазами, Александр Пушкин, превозмогая страх оказаться заражённым чумой, с армейским лекарем выезжал *«в лагерь, где находились зачумлённые».* Увиденная им реальность состояния и внешнего вида человека, заражённого чумой, его потрясла. Он честно признался, что *«устыдился... европейской робости... и поскорее возвратился в город».* Давний рассказ Алексея Вульфа о чуме не только подтвердился, но и реально устрасил своими внешними проявлениями храброго очевидца. Александр Пушкин не побоялся признаться в этом перед своими читателями.

Узнав о предстоящем разговоре с главкомом, у самовольного добровольца теплилась какая-никакая надежда на то, что ему разрешат остаться и далее в Нижегородском полку в подчинении генерала Н.Н. Раевского. Однако он вынужден был подчиниться, согласившись с замечаниями

И.Ф. Паскевича, высказанными в его адрес. Прикрывая славное имя командующего своим пояснением о причине оставления расположения действующей армии, Александр Пушкин в очередной раз прикрыл легендой свой разговор с Иваном Паскевичем. Придуманная им легенда содержала часть правды из его общения с главнокомандующим Отдельного Кавказского корпуса. Граф Паскевич высказал ему своё мнение о сохранении жизни и здоровья. Пушкин согласился с главкомом Отдельного Кавказского корпуса. Осознавал он и то, что, пребывая в палатке генерала Н.Н. Раевского, постоянно находился в кругу участников (и подозреваемых в участии) антигосударственного заговора 14 декабря 1825 года. Среди них в должности адъютанта проходил военную службу и его брат Лев Пушкин. Братья Пушкины оказались в одном месте рядом с теми, кто стоял в тот день с оружием на Сенатской площади.

В самовольном пребывании А.С. Пушкина в качестве добровольца в расположении Русской Армии в Закавказье примечательно многое. В своих записках о путешествии и пребывании в действующих войсках он не бросил и тени недовольства на кого-либо, с кем был в условиях военного похода. В своих записках он сохранил огромное уважение к генералу И.Ф. Паскевичу.

Имя автора записок в военной истории равно именам отважных воинов и командиров, защищавших Русское Отечество и народы Кавказа. Кавказским летом 1829 года не только во внешнем облике, но и в характере поэта Пушкина проявилась православная святость. Она исходила от соответствующего поведения, внешнего облика и его общения с солдатами и казаками. Не с пустого места и не своими выдумками драгуны полка воспринимали его «батюшкой». Первый русский писатель-баталист Александр Пушкин внёс свою лепту в анналы памяти о 125 тысячах славных воинов России, погибших за независимость народов Кавказа.

Из 1829 года сохранился примечательный факт. Тогда как Александр Пушкин пребывал на южном фронте войны в составе Отдельного корпуса, Алексей Вульф, сын Прасковьи Осиповой, воевал на юго-западном фронте. У Пушкина в отношении действующих воинских подразделений и тыловых частей в записках нет ни одного замечания. Алексей Николаевич 17 ноября 1829 года в свой дневник записал: «Нельзя не подивиться административным распоряжениям нашей армии. Сперва держали нас донельзя под Шумлою, едва не переморив людей от холоду и лошадей от недостатка корма. Дождавшись самой дурной

погоды, потом поставили нас в зимние кварталы, где нет продовольствия, чрезмерная теснота и наконец, вдобавок ко всему, чума, — должно признаться, что подобного нигде не встретишь, кроме в нашей родной России. Немного это чести приносит талантам и заботливости в войсках героя Забалканского». Пребывание Пушкина и Вульфа в действующей армии Российской империи примечательно тем, что они оба оставили абсолютно противоположные мемуарные военные воспоминания о состоянии дел на Закавказском и Забалканском фронтах. В основном они зависели от военного министра и командующих отдельными корпусами. Прочитывается в них и различный отзыв о личных ощущениях от своего пребывания в рядах защитников Отечества.

Александр Пушкин — православный христианин Русской земли. В детстве, воспитанный бабушкой Марией Алексеевной, он проникся осознанием содержания молитвы, обращённой к имени и к Слову Бога. Помнил славный внук славной бабушки и её слова. Наблюдая за тем, как из неподвижного увальня растёт подвижный суворовец, она ему высказала, а он навсегда запомнил её слова: «Ведь экой шалун ты какой, помяни моё слово, не сносить тебе своей головы». С того времени она была и оставалась в его памяти вечной

наставницей. С именем Марии Алексеевны внук навечно связал и своё определение *«наперсница волшебной старины»*. В Русской стране извечно были и остаются ангелами-хранителями младенчества мальчиков и девочек их бабушки.

В возрасте 11 лет, покинув Москву, оставшись без заботливого внимания своей бабушки Марии, Саша Пушкин вступил в отрочество. Через 11 лет после её кончины, 27 июня 1829 года Александр Пушкин вошёл в состав Нижегородского полка триумфатором победы в османскую крепость Арзрум. В тридцать лет от рождения Александр Пушкин предстал перед своими современниками не только поэтом, воином-добровольцем, но и истинным православным христианином. Это прочитывается по его запискам. В них сохранилось личное отношение Пушкина к противнику, оказавшемуся в плену. Таковым он предстаёт со страниц воспоминаний о нём его современников. В облике православного батюшки его воспринимали воины Русской Армии.

Из Москвы на Кавказ уезжал один человек. Из Арзрума возвратился иной, словно его там подменили. Бывший шалун и повета в пути с мая по август 1829 года потерял последние, задержавшиеся в его натуре до этого проявления хулиганства и шалопайства. Второй канон жизни и

творчества поэта Пушкина представил народам земли Русской облик вознесения православного праведника. Произошло восхождение личности русского христианина. Наступил период, когда в Александре Пушкине проявил себя духовный поводырь русских людей, почитающих его за содержательное Русское Слово. За минувшие два века Пушкин привёл в лоно почитания имени Бога и духовной христианской нравственности миллионы и миллионы людей России.

Становление юного праведника и духовного наставника Александра Пушкина начиналось с июня 1812 года. Начало восхождения его к особому предназначению для Русской страны проходило через преодоление гор у подножия святого Арарата в 1829 году. Участие в боевом сражении с противником проявило вечное восхождение слова и имени Пушкина по стезе, предначертанной ему Богом. Православный духовный поводырь Александр Пушкин прошёл путь от Москвы до Кавказа. Бог провёл его сквозь грозное испытание природой. Себя он испытал в бою. С той поры с кавказских вершин многие слышали посыл Бога: «Пушкин с Вами...»

Повторяя Слово: «Пушкин с нами!»* — достойные современники и защитники Русского Отечества передали потомкам его божественное право перевести через майдан народы Русской страны в грядущее тысячелетие.

Появление на театре военных действий поэта Пушкина в июне 1829 года заметили и запомнили воины Отдельного корпуса Русской Армии. Драгуны Нижегородского полка, в котором он продвигался в сторону Арзрума, принимали его за полкового священника и звали драгунским батюшкой. Не прошёл мимо поэта взор и слух мудрого турецкого паши, взятого в плен. Он сказал Александру Пушкину: «Поэт брат дервишу». Возвращение добровольца Александра Пушкина в Москву с наградной саблей не станет для него столь же радостным и отрадным событием, как это происходило при его встрече в Тифлисе 6 июня 1829 года.

В России, на просторах родного Отечества, поэта с его вечным именем и словом ждал далеко не почётный приём. Главное недовольство к поэту исходило от цезаря-цензора. Двудесятилетний советник начальника тайной полиции фон Фока русофоб Ф. Булгарин держал свой плагиаторский нос

* Вечный клич восклицательного междометия защитника Русского Отечества «Ура!» в текущее тысячелетие Богом завещано в России сопровождать девизом: «Пушкин с нами!» В его звучании друг Русской страны услышит свет добра, враг Русской земли услышит свою погибель от мирной «пушки». Народы России среди 20 имён гениев и талантов Русской страны на первое место среди них в текущем времени ставят Александра Пушкина.

по ветру. Литератор, преданно служивший императору Наполеону, занял к творчеству и личности русского поэта Пушкина враждебную позицию. «Фиглярин» (Булгарин), как его стал именовать поэт Александр Сергеевич, был в особом политическом почёте у Николая I. С подачи главного полицейского империи М.Я. фон Фока французский «подкидыш» польского происхождения был ведущим его советником по вопросам становления и восхождения русской литературы.

«Русский царь-немец» Николай I и офранцузенный поляк Ф. Булгарин по складу ума оказались близкими натурами. Организатор сыска и надзора, руководитель агентурной внутренней сети Российской империи фон Фок проявил себя мастером своей службы. Психологическое чутьё и аккуратность в оказании влияния на внутреннюю политику Российской империи не оформлялись документами и были совершенно секретными. Стагнация духовной и светской жизни в Русской стране, лишение свободы и просвещения её подданных при Николае I шествовали к апогею своего существования. В конце 20-х годов XIX века у истоков закоренелости экономики и политики Российской империи располагались имена министра иностранных дел Нессельроде, военного министра Чернышёва,

министра просвещения Уварова, начальника тайной полиции фон Фока, государственника Строганова. Каждый из них имел сеть влиятельной дворянской высшей аристократии империи. Им прислуживали подобострастные, готовые служить любой власти чиновники.

После восхождения на царский престол император Николай I к 35 годам от рождения сформировался в правителя с характерными чертами самовлюблённого и эгоцентричного человека. Тщеславие и гордость диктатора легко улавливаются в его портретных изображениях, исполненных живописцами той эпохи. С внешнего облика императора художники выплёскивали своими красками на зрителей его самодержавно-диктаторский посыл. В своём тщеславии Николай многократно превзошёл своего старшего брата и триумфатора военных побед Александра I. Природу рода не изменишь и не поправишь. Русской страной и русским народом управлял человек немецкой крови с неограниченной властью. Он плутал умом своим между католичеством, атеизмом и православием. Неограниченная власть дополнялась никем и ничем не ограниченным тщеславием.

До середины 1828 года рядом с Николаем I находился близкий ему человек, знавший его недостатки и сдерживающий его властолюбие. Это была его мать.

В начале ноября 1828 года вдовствующая императрица Мария Фёдоровна скончалась. Свой уход она сопровождала молчанием, всматриваясь в последнее мгновение в Николая Павловича. С её уходом беззвучно пали все ограничения. Её младший сын, властолюбивый и смелый на поступки, получил ничем не ограниченную свободу.

Перед коронацией на русский царский трон Николая I, в первой трети XIX века, в Петербурге и в Москве прошло становление и началось возвышение русского литератора, публициста и аналитика, способного приоткрыть тайны бытия и представлять ясным и понятным языком Русской Речи объяснение общественным и политическим процессам в Российской империи. Этой личностью был Александр Пушкин. С трофейной саблей на боевом коне он возвращался с покорённого османского Арзрума через Тифлис в Москву.

В начале XIX века, перед становлением литературного таланта Пушкина, народам Российской империи «Бог изобретатель» ниспослал две личности. Ими были правовед М.М. Сперанский и генерал А.А. Аракчеев. Своей активной и целенаправленной государственной деятельностью они подготовили противостояние и отпор «двунадесяти языкам» католического Запада. Военной реформой армии и тыловым обеспечением накануне 1812 года занимался генерал А.А. Аракчеев.

Гражданские правовые реформы находились в ведении М.М. Сперанского. Накануне войны 1812 года он был освобождён от обязанностей и подвергнут опале по надуманному предлогу. В интриге против него секретно участвовали и иностранные дипломаты, находящиеся в Петербурге. А.А. Аракчеев, находясь под защитой вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, продолжил беспрепятственно исполнять свой служебный долг. До него предатели национальных интересов Русской страны добраться не смогли.

Несмотря на исторические заслуги перед Российской империей, оба реформатора за свою инициативу в государственной службе испытали на себе гонения. После отставки и смерти их реальные дела на благо Русского Отечества лживо и оскорбительно принижены. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев представляются согражданам ниже уровня аристократических фамилий царского правительства империи, которые ничем положительным в государственных делах себя не зарекомендовали. Источником гонений славных имён российских государственных деятелей до 1812 и после 1815 года выступала вертикаль консолидированных масонов.

Изначальный надлом в своей карьере на государственной службе Российской империи Михаил Сперанский совершил сам. В 1810 году он вступил в

масонскую ложу «Полярная звезда». Для продвижения его политических воззрений и инициативных дел участие в масонстве оказалось силком, в котором оказался его проницательный ум. Замыслы и идеи М.М. Сперанского стали известны его противникам. Среди 9 членов ложи, в которую он вступил, большинство составляли иностранные мигранты. Итог его пребывания в «Полярной звезде» стал закономерным. После двух лет пребывания в ложе учёный аналитик и правовед был оболган и предан опале царским правительством.

Основным рычагом для отставки М.М. Сперанского от государственных дел стал его обоснованный вывод о неизбежности войны с монархическими странами бывшей Священной Римской империи. Он призывал императора Александра I и его правительство к активной подготовке к предстоящему отражению агрессии потенциальных врагов Российской империи. Услышал и понял вывод М.М. Сперанского только генерал А.А. Аракчеев. Пользуясь своей недоступностью, основанной на личной дружбе с Александром I, он провёл перевооружение армии Российской империи, передел рядовых и офицеров в новую форменную одежду, соответствующую климатическим сезонам России. Генералу А.А. Аракчееву принадлежит заслуга основательной подготовки тыловых резервов армии.

Активистом опалы М.М. Сперанского выступал Густав Армфельт, советник императора Александра I. Этот служебный мигрант в Россию сбежал из Швеции. Его активно поддерживал первый министр полиции А.Д. Балашов. Известно, что более всего человека характеризует содержание слов, им сказанных. Основное изречение барона Г. Армфельта, которому он сам следовал по жизни, содержит следующее: «Мы больше не шведы, русскими стать не можем, поэтому отныне будем считать себя финнами». Неофициальное течение «армфельтства» среди масонов Петербурга с годами перешло в открытую и откровенную русофобию. Это антирусское течение продолжило своё существование и в период правления Николая I.

Не только враг внезапно вторгся на территорию Русской земли. В его ранцах располагалась так называемая «Европа». После того как враг был изгнан, в Российской империи распространилась и закрепились идея вхождения её западного пространства от Днепра до Урала в новое географическое название. Мимо государственного взора Александра I и генерала А.А. Аракчеева прошёл победным маршем стратегический приём визуального географического разрушения России. На её территории единый континент Азии был разделён на две части. К европейской части отнесена вся

территория Русской страны до левого берега реки Урал вместе с архипелагом Новой Земли. Добившись искажения в исторической географии единого континента Азии, лживые перья проводников политики европейского новояза продолжили активно искажать реальные факты событий календаря и истории народов земли и страны Русской. Итоги соглашения царского правительства Александра I, Николая I и их потомков с существованием «Европы» на территории Русской земли сформировали основу для исчезновения в Русской стране национальной идентичности «русский». Первым из истории Русского Отечества было выскоблено название «Русская страна». За ним последовало искоренение понятия «Русское государство».

Одним из первых, кто обнаружил во второй половине 20-х годов XIX века активное вталкивание в общественное мнение народов Российской империи несуществующего в природе пространства кривого зеркала «европейских ценностей», стал выпускник первого выпуска элитарного учебного заведения Царского Села А.С. Пушкин. Он же обнаружил проводников политики географического завоевания

территории Русского Отечества. Ими оставались католические посланники понтификов Рима.

С периода обучения в Лицее для студента Александра Пушкина правовед и государственный деятель Михаил Сперанский оставался авторитетной государственной личностью. Сознание студента, впоследствии коллежского секретаря, потомка старого боярского рода Пушкиных, не поддавалось воздействию от дискредитации имени учёного и авторитетного государственного человека. Проводя доверительные беседы с Михаилом Сперанским, Александр Пушкин многое узнал об особенностях государственной службы в империи под началом царя, гонениях на умы русских личностей и фамилиях проводников опалы. От самого М.М. Сперанского он узнал о роли министра полиции Российской империи А.Д. Балашова* в его судьбе. На основании слухов, распространяемых против государственного правоведа о его личной измене, Балашов провёл 17 марта 1812 года личную беседу с императором Александром I. Получив от царя согласие, вечером того же дня он организовал арест М.М. Сперанского. На основании подготовленного им же предписания за подписью

* В августе 1804 года шеф Троицкого мушкетёрского полка А.Д. Балашов, узнав о предстоящей его командировке из Крыма на Кавказ, в сентябре отправил императору Александру I прошение об отставке «по домашним обстоятельствам». За генералом от инфантерии А.Д. Балашовым в его послужном списке не значится ни одного полезного государственного дела.

императора он отправил инициативного государственного чиновника, противостоящего секретным замыслам монархов бывшей Священной Римской империи, в ссылку из Петербурга в Нижний Новгород. Через три месяца после полицейской инициативы министра Балашова состоялось то, о чём предупреждал Александра I бывший его государственный секретарь М.М. Сперанский.

Переправившись через Неман, 12 (24) июня 1812 года с запада на территорию Российской империи вероломно вторглось «европейское» войско, состоявшее из «двунадесяти языков». Выслушав доклад о нападении Наполеона на Российскую империю, оставив вальсирующие пары на балу в Вильно, царь бежал в Петербург. Рядом с ним совершал побег советник императора полицейский министр Александр Балашов. Оба спаслись от пленения французами. Спасение от плена пришло не от их бегства. Беглецов спасли русские воины, ставшие преградой перед наступавшим врагом и отдававшие свои жизни за царя и Отечество.

Неблаговидную роль в судьбе М.М. Сперанского выполнил и историк Н.М. Карамзин. В 1811 году он лично представил царю А.П. Романову «Записку о древней и новой России». Тогда как государственный секретарь М.М. Сперанский преследовал соблюдение эволюционного развития Русского государства на

основании реформ, Н.М. Карамзин выступал с консервативной точкой зрения. В противовес правоведу Сперанскому историограф Карамзин утверждал: «Всякая новость в государственном порядке есть зло». Столкновение государственного реформатора и историографа Российской империи не заглушило источник французской «революции». Он пробил свой выход в Петербурге. Противоречивое столкновение двух умов Русского мира способствовало возникновению благодатной почвы для дальнейшего разобщения народного единства в Русской стране. Через 24 года после убийства Павла I и 14 лет самодержавного консерватизма Александра I в декабре 1825 года столица России услышала на Сенатской площади первый «рёв эволюции» от грохотавших пушек. Защищая единство Русской страны и её народов, русские стреляли в русских.

Отечественная война на территории Российской империи с войсками союза западных монархов закончилась 14 декабря 1812 года. Ровно через 13 лет, словно в отместку за это поражение, случайной закономерностью 14 декабря 1825 года в Петербурге предпринята попытка исторического реванша. Государственный переворот проходил по планам, придуманным, составленным и протиснутым в Россию тайными дипломатическими тропами с территории «Европы» через Киев и Варшаву. Проба сил и

возможностей по опыту проведения «европейской революции», с планами «европейских преобразований» по расчленению единой России и роспуску её армии проводила группа дворянской и военной молодёжи Петербурга. Основным доводом сплочения группы самозванцев, часть из которых была помещиками-крепостниками, была идея масонской справедливости и отмены крепостного права. За все годы существования тайных обществ, формируя своё сознание на основе либеральных ценностей «Европы», никто из заговорщиков не обмолвился и словом о существовании колониализма Франции, Германии и Великобритании. В США процветали наихудшие формы рабства и угнетения африканцев.

Новые дворяне Петербурга выступали с либеральных позиций силовых преобразований с учётом жертвенного опыта Парижа и Франции. Ратуя за ликвидацию царской власти, ни один из участников заговора не отказался от своего права на крепостных крестьян как до осуждения судом, так и после него. Разгром вооружённой группы антигосударственных мятежников не позволил смуте и кровавым

разборкам распространиться из столицы по территории Русской страны. После провала попытки вмешательства в порядок смены власти на царском троне с помощью оружия вооружённый бунт новых дворян получил наименование «первого революционного» порыва России к «европейским ценностям». Участников осуществления зарубежных замыслов разрушения Русского Отечества зарубежные покровители возвели в положение «революционных» исторических мучеников российского царизма. Бежавший в 1847 году во Францию автор теории «крестьянского социализма» А.И. Герцен первым объявил мятежников 14 декабря благородными героями. С подачи беглеца группа самозванцев будет именоваться звучным именем «декабристы».* На прорехи прославления государственных преступников начнётся наслаивание имени поэта А.С. Пушкина и его стихов, а также личной отваги жён, выехавших к мужьям на каторгу в Сибирь.

Современник мятежных замыслов, знавший всех «декабристов» поимённо и друживший с некоторыми из них, Александр Пушкин обратил своё внима-

* Ровно через 150 лет в 1975 году на экраны кинотеатров СССР вышел художественный фильм «Звезда пленительного счастья». Основной замысел фильма оказался повседневным и не вызывал особого интереса. Для украшения сюжета придумана главная канва любви француженки Полины к Анненкову. Романтика этих двух персонажей оживила кино и придала импульс памяти о декабристах. Это был один из первых фильмов, направлявших массовую культуру Русской страны по надуманным лекалам её «перестройки».

ние на то, что ни один из них не высказал своего отношения к наполеоновским насильникам и грабителям, терзавшим территорию и народ Русской страны от Немана до Москвы с июня по декабрь 1812 года. Умолчали они и о гуманном отношении русского воинства к народам государств-агрессоров западных монархий и к их имуществу от Варшавы до Парижа. Пушкинская аналитика военных событий 1812-1815 гг. не прошла мимо незримой травли имён героев Отечественной войны и зарубажных походов Российской Армии, освобождавших страны Запада от оккупации французских войск. Занимаясь с 1832 года историографией Русского Отечества, Александр Пушкин ознакомился с содержанием аналитической статьи М.М. Сперанского «Об образе правления», исполненной им в 1804 году. За 20 лет до мятежа на Сенатской площади автор изрёк: «Деспот, самый неограниченный, находит себя точно в тех же пределах, в каких поставлен человек, управляющий республикою. Его Сенат есть его сын, любовница, наперсник, толпа рабов и ласкателей. Но сверх сих людей в Сенате сем есть лицо, всегда и всем деспотам ужасное, всегда и во всех народах власть их ограничивающее. Сие лицо есть фантом

заговора, непрестанно грозящий ему насильственную смертью, если душа его низка, или страшное чело истории, если он имеет искру славолобия». Автор этого вывода в 1804 году подготовил и вторую работу «О духе правительства». Своим провидением он смог рассмотреть не только эпоху своих современников. Михаил Сперанский высказал своё мнение для потомков Русского Отечества XX-XXI веков: «Сравнивая наказания и разные экономические и судные учреждения с самовластием и безотчётностью управителей, можно сказать, что законы наши писаны были в Афинах или в Англии, а образ управления занят в Турции».*

Имперская форма правления народами Русской страны, навязанная извне и не доведённая её первым императором до задуманного им логического завершения, дала свой итог не только в XIX, но и в XX веке. О ней М.М. Сперанский недвусмысленно высказался следующими словами: «Дух правительства имел две великие выгоды. Он развязывал руки высшего правительства и, не озабочивая его делами внутренними, давал всё время и свободу заниматься делами внешними. <...> Самовластие происходило от степени невежества, а свободные правила — от степени просвещения. Одно

* Конституция РФ 1993 года исполнена для Русской страны в духе и в букве, предсказанной М.М. Сперанским за 190 лет до её принятия.

основано было на народных нравах, а другое — на книгах и вкусах иностранных».

Основополагающий принцип имперского самовластия оказался непреодолимым препятствием для тех, кто пребывал в правительстве. Тогда как многие члены правительства Российской империи занимались бесперспективными «делами», в Петербурге зарубежные советники действовали, не испытывая неудобства для своей шпионской и подрывной работы. Для внешних агентов влияния на внутреннюю политику Российской империи положение послов «Европы» сравнимо с ножом, пронзающим масло. Особую волю зарубежным посланникам Запада предоставлял вначале Александр I. Повтор его государственного принципа по приданию приоритета в России западным партнёрам совершил и Николай I. Оба императора доверяли своим соседям, облачённым в сутаны монархам в Германии и в Вене, слушали советы из Нидерландов, от Франции и Англии. В итоге собственного «самовластия», лишённого знаний, но выпестованного «на книгах и вкусах иностранных», в

Российской империи в провальном состоянии вначале оказалась внутренняя, а затем и внешняя политика. Катастрофические последствия её проявили себя в начале и в середине XX века. Переход в текущее столетие, словно по заказу извне, продолжил падение в бездну цивилизации народов Русской страны.*

Произведения мысли правоведа М.М. Сперанского оказались в числе проектов, не востребованных царским правительством для их осуществления сувереном страны. После неоднократных ходатайств генерала А.А. Аракчеева за опального государственного секретаря в сентябре 1816 года император Александр I назначил М.М. Сперанского гражданским губернатором в Пензу. В марте 1819 года прошло его переназначение генерал-губернатором Сибири. После этого назначения Михаил Сперанский стал первооткрывателем реального внутривластного и хозяйственно-правового положения страны за «европейской» чертой Урала. Он обнаружил территории Западной и Восточной Сибири отданными на откуп безотчётной и безответственной

* Уровень доверия и соглашательства МИД и Президента РФ с «партнёрами» Германии, Италии, Австрии и Франции в декабре 2021 года преодолел неприступный барьер безответственности. Президент с государственной трибуны впервые заявил о независимости Русской страны в порядке национальной цели и идеологии. Вековой обман России со стороны «европейских» государств обозначился в феврале 2014 года. Затем его проявила восьмилетняя война защитников Отечества Русского мира в Новороссии (Донбасс). В государственном обмене России лично признались всему миру народы бывшие правители Германии и Франции.

вертикали власти имперских чиновников. Все они в этой вертикали представляли ту или иную ступень единой партийной системы масонских лож и корпоративно-родственных связей.

В истории событий тех лет сохранилась фраза, сказанная М.М. Сперанским в Иркутске: «Если в Тобольске я отдал всех под суд, ...то здесь осталось бы всех повесить». Слова гражданского губернатора Сибири свидетельствовали о том, что в Российской империи, с её необъятными пространствами, за Уралом государственная власть отсутствовала. Весь разноликий народ Западной и Восточной Сибири, включая дворянство и духовенство, перед вертикалью самодержавного чиновничества пребывал в абсолютно бесправном положении. В восточной части Российской империи, за Уралом, отсутствовали разумные границы государственной законности. Чем дальше от Оренбурга и Тобольска на восток страны, тем больше Михаил Сперанский обнаруживал бесправия и беззакония. Одним из тех, кто насаждал бесправие народов и был лицом, содействующим коррупции в Сибири, являлся И.Б. Пестель, отец руководителя подпольных членов тайного общества антигосударственных заговорщиков П.И. Пестеля. Михаил Сперанский уличил губернатора Сибири Ивана Пестеля, сына саксонца и

наёмного иностранного мигранта Б.В. Пестеля, в абсолютной бюрократии и участии в казнокрадстве. Он характеризовал управляющего Сибирью из Петербурга И.Б. Пестеля самой «пустой головой, какую когда-либо знал».

После 9-летней опалы и ссылки возвращение в Петербург в марте 1821 года для государственного политика и правоведа Михаила Сперанского особо ничего не значило. Умный, деловой и деятельный русский аналитик, юрист и государственный чиновник высшей квалификации имел практику работы в провинциях империи. Второе возвращение на государеву службу при Александре I отставило его теоретическую и практическую полезность для Русского Отечества на второстепенную обязанность. Путь его возвращения к важным государственным делам был поражён вертикалью партийного масонства, господствовавшего в царском правительстве. Часть изначального доверия к Михаилу Сперанскому, которым он пользовался у императора Павла I, вернулась к нему только с началом царствования Николая I. Ему довелось провести по личному поручению императора огромную работу по составлению 45 томов «Полного собрания законов Российской империи» и 15 томов «Свода законов Российской империи». По инициативе М.М. Сперанского в 1834 году

была основана Высшая школа правоведения для подготовки профессиональных юристов. В октябре 1835 года он был назначен преподавателем для наследника династии Александра Николаевича (Александра II). В учениках у Михаила Сперанского пребывал до 1837 года и Александр Пушкин. Общение поэта с государственным деятелем Российской империи начиналось в 1811 году. Саша Пушкин обязан М.М. Сперанскому тем, что он дал своё согласие на его обучение в Лицее Царского Села.

После окончания учёбы Александр Пушкин все годы государственной службы в гражданской должности имел для себя в личности Михаила Сперанского самого авторитетного заочного учителя высшей государственной квалификации. С позиций Сперанского он формировал свои взгляды на государство и понимание системы управления Российской империей. На основе научных выводов и практики государственных дел М.М. Сперанского коллежский секретарь А.С. Пушкин воспринимал рекомендации от своих наставников и формировал свой личный опыт гражданского подданного и чиновника Российской империи.

Занимаясь составлением аналитической записки по поручению Николая I осенью 1826 года, Александр Пушкин провёл аналитику общественного положения России в первой четверти XIX века. Работая над заказом

своего цезаря-цензора, поэт обращался к трудам и выводам М.М. Сперанского. Пушкин по своей жизни никогда не был простым кабинетным аналитиком. Обращает на себя факт того, что в самом начале сближения цезаря-цензора с поэтом к Николаю I первым был приближен сын польского преступника, наполеоновский герой Ф. Булгарин (поляк бахвалился о наличии у него ордена Почётного легиона от самого Наполеона). Приверженец французских романов представил себя автором сглаживания острых углов отношения императорской власти к М.М. Сперанскому. Литературный «советник» начальника тайной полиции фон Фока, Ф.В. Булгарин в своих «Воспоминаниях» исполнил заказной панегирик в честь главного правоведа России. Прикрывая свою сущность высокими фразами по адресу его заслуг, автор панегирика более всего превознёс роль императоров Александра I и Николая I. Опалу Сперанского со стороны Александра I он обошёл фразой: «Не смею называть главных виновников несчастья Сперанского, хотя они уже все в могиле, там, где и жертва их злобы». В своих «Воспоминаниях» Булгарин возвысил и своего прошлого французского босса, жизнь которому, с его слов, он спас на Березине в декабре 1812 года. В содержании вывода о М.М. Сперанском он записал, возвышая Бонапарту: «...его планы к улучшению

всех частей государственного устройства — средствами к возбуждению негодования в народе против правительства в пользу Наполеона, высоко ценившего его достоинства». Русские литераторы проявляли в отношении Булгарина свой остракизм. Е.А. Баратынский: «В своих листах душонкой ты кривишь, уродуешь и мненья, и сказанья». М.Ю. Лермонтов: «Россию продаёт Фаддей, и уж не в первый раз, злодей». А.С. Пушкину принадлежит глагол: *«Продаёшь своё перо»*.

Почему и по какой причине решительный на поступки царь Николай I оказался в окружении «фон фоков», «нессельродов», «чернышёвых», «строгановых» и приблизил к себе породу «булгаринных» и «уваровых», предававших и уничтожавших последние осколки Русского государства, доподлинно неизвестно. Добраться до реальности и фактов ушедших в прошлое событий крайне затруднительно. Это отмечал и историограф Пушкин, работавший над составлением «Истории Петра I». В настоящее время его труд ещё более сложен к исполнению по причине того, что многочисленные официальные документы прошлых веков уничтожены, украдены и сожжены как в пламени войн, так и в огне организованных пожаров в

мирное текущее время. Процесс духовного и национального разрушения и разложения единства русской нации народов России продолжается.

Внутренний террор в России, гонения на передовые её умы и преследование пассионарных личностей, отстаивающих Русскую Культуру, проводятся не только против тех, кто проживает на её территории. В первую очередь тайные войны затеваются и проводятся врагами Русской страны против правды подлинной и документальной истории, которая хранится в архивах. Высокая активность этой войны направлена против граждан любой страны, обладающих знаниями и крупицами первоисточников о Русском государстве. Хранителя Правды не спасают Вена, Рим, Париж, Лондон и Берлин. Особо незащищен русский пассионарий в Москве и Петербурге.* Беззащитными граждане РФ по всей территории Русской страны остаются более 300 лет.

Народ, лишённый правды, передаваемой от своих предшественников, для врагов становится хорошей мишенью и слабым противником. С начала XXI века общество народов России продолжает оставаться под угрозой национальной катастрофы. В случае дальнейшего продолжения «добродетельной»

* Среди многочисленных имён русских пассионариев, пребывавших без государственной защиты, сегодня известно имя русского философа, писателя и публициста Александра Александровича Зиновьева (1922-2006). Воззрениям ветерана Великой Отечественной войны, его выводам русского учёного активно противопоставляется огромный издательский, явно коллективно созданный многотомный труд от А.И. Солженицына.

внутренней политики Российского правительства и Президента, ориентированной на копирование западного «европейства» с турецким уклоном, о котором говорил в 1804 году М.М. Сперанский, страну ждёт гарантированное поражение, раздробление и полное поражение. О губительной грани, через которую опасно переходить, свидетельствует исторический факт. Народ России не понимал и не воспринимал заявления главы государства о «партнёрах» и «партнёрстве» с главами западных государств, открыто и враждебно противостоящих существованию Российской Федерации.

Александр Пушкин поднял Русское Слово до уровня общественного протеста против поражения Русской страны от натиска внешнего «европейского» врага. В начале 1830-х годов он оказался единственным неофициальным продолжателем «Русской партии» генерала А.А. Аракчеева и сторонником правоведа М.М. Сперанского, предупреждавшего о неистребимом существовании агрессивных замыслов западных монархий. Самовольное пребывание добровольцем на территории Османской империи в составе Русской Армии стало вторым этапом продвижения Пушкина к цели особого предназначения. Поэт принял решение перейти на

стезю составления истории Русского Отечества. Замысел своего перехода на исследовательскую работу по истории он не хранил в секрете от своего окружения. Склонный к откровенным беседам на исторические темы Александр Сергеевич не думал о последствиях своих размышлений. В 1829 году ему ещё было неведомо о том, что его литературная деятельность отслеживалась не только надзорной полицией фон Фока, но и дипломатами западных монархий.

Начальник тайной полиции фон Фок и его сторонники в царском правительстве никак не ожидали поворота событий, связанных с выездом А.С. Пушкина в распоряжение Отдельного корпуса на территорию Закавказья. Его участие в войне с Турцией стало для них полной неожиданностью. В Петербурге стало известно, что на поле сражения он совершил героический «военный дебют». С войны русский поэт вернулся с трофеем турецкой саблей в позолоченных серебряных ножнах, подаренной ему графом И.Ф. Паскевичем.* Смелость Пушкина в войне с османами отсрочила начало демонстративного и дискредитирующего наступления русофобов на его имя, честь и литературное творчество. Его отважный бросок на поле сражения в Закавказье

* Участие самовольного добровольца А.С. Пушкина в войне Русской Армии на территории Османской империи (лето 1829 г.) до недавнего времени было самой закрытой для читателей России темой в его личной и литературной биографии.

позволил воплотить замысел за-
нятий по исследованию перво-
источников в архивах и написа-
нию истории Петра I.

Ни один из тех, кто пресле-
довал и третировал имя и твор-
чество Александра Пушкина в
Петербурге, никогда не состоял
добровольцем, не защищал от
врагов Русское Отечество, не
освобождал инородцев от ко-
лонизальной зависимости. Пре-
следователей Русского Поэта
и историографа не остановила
смерть фон Фока в августе 1831
года. Задумка лютеранина и по-
томка иностранных мигрантов
по подготовке и нанесению уда-
ра по непокорному и влиятель-
ному Русскому Поэту не только
продолжила своё существование,
но и имела развитие после 1833
года.

Немец фон Фок в январе
1793 года начинал служить ви-
це-вахмистром лейб-гвардии
Конного полка. В его составе он
пребывал, с перерывом в 5 ме-
сяцев, всего 6 лет. С 1810 года
хронографы отмечали фон Фока
активистом масонства в Рос-
сийской империи. Он занимал
различные должности в ложах
Петербурга. По случайной зако-
номерности, через 41 год после
службы фон Фока, титулярный
советник А.С. Пушкин 26 ян-
варя 1834 года в свой дневник

запишет имена двух наёмных
иностраных мигрантов, кото-
рые «будут приняты в гвардию
прямо офицерами». «Прямо
офицерами» в полк, в котором
начинал свою служебную карье-
ру фон Фок. Не менее показат-
тельным станет и другой случай-
но-закономерный факт. С 1844
года длительное время испол-
няющим обязанности команди-
ра этого полка будет полковник
П.П. Ланской. Срок пребыва-
ния поляка в должности коман-
дира полка начался 17.04. 1846
года. Этим днём он был уволен
с должности. Этим же днём ему
было присвоено звание генерала.
Начинал службу в полку поляк
Пётр Ланской в 1818 году. Ис-
полнял обязанности командира
полка кавалергардов и назначал-
ся однодневным его командиром
в год своей женитьбы на вдове
Н.Н. Пушкиной.* Инициатором
его женитьбы выступал Николай
I. Император продолжал заигры-
вать с непокорной Варшавой по
совету министра Нессельроде.
Генерал Пётр Ланской — облада-
тель самого короткого срока пре-
бывания в должности командира
полка кавалергардов в истории
этого воинского подразделения.
Таковы были факты прошло-
го, перекликающиеся с буду-
щим. Личных военных заслуг в
службе он не имел. Поляк Пётр

* Отдельные авторы старательно выписывают «Историю любви Н.Н. Ланской-Пушкиной и П.П. Ланского». У этой истории, кроме женитьбы и рождения детей в семье Ланских, иные подтверждения их дружбы отсутствуют. Сама вдова Пушкина отрицала свою любовь ко второму мужу.

Ланской — единственный кавалергард полка, который завёл личную дружбу с неуважаемым и недисциплинированным, по отзывам сослуживцев, служебным мигрантом французом Дантесом с 1834 на 1835 год.

За шесть лет до предстоящих событий, в которые будут вписаны имена кавалергардов поляка Ланского и француза Дантеса, в июле 1829 года в Россию из турецкого Арзрума возвращался «драгунский батюшка». В личном багаже «брата дервиша» находился военный подарок, трофейная сабля «килидж», вручённая ему командующим Отдельным Кавказским корпусом генералом И.Ф. Паскевичем. Для Александра Пушкина этот трофейный багаж оказался надёжной временной индульгенцией не только от столичных ничтожеств, преследовавших его, но и от начальника тайной полиции фон Фока. Свой голос против самовольного добровольца, награждённого за участие в боевом сражении, не смог возвысить даже Николай I. Из Арзрума через Тифлис возвращался дворянин-доброволец, проявивший смелость и отвагу в бою с противником. Участие в военном походе по османскому Закавказью не прошло для него бесследно. Среди прочего опыта у импульсивного Пушкина терпение стало превалировать над его порывистостью. После возвращения в Москву он прекратит с юношеским задором таранить самодержавную

петербургскую стену русофобского царского правительства. Наступательная возбудимость, свойственная его пассионарному русскому характеру с примесью африканской крови, проявится в одном случае. Произойдёт это на мирном фронте устройства личной семейной судьбы. При возвращении в Москву, остывая от незабываемых дорожных и батальных впечатлений, путешественник Александр Пушкин сам себе признался в том, что он влюблён в Наталью Гончарову так, как ни в кого не влюблялся прежде. Сердце подсказывало, а ум подтверждал правильность его выбора. Он ещё сомневается, но рука выводит: *«На холмах Грузии лежит ночная мгла; // Шумит Арагва предо мною. // Мне грустно и легко; печаль моя светла; // Печаль моя полна тобою, // Тобой, одной тобой... Унынья моего // Ничто не мучит, не тревожит, // И сердце вновь горит и любит — оттого, // Что не любить оно не может».*

На обратном пути Александр Пушкин встретился с придворным персидским поэтом Фазил-Ханом. После короткой беседы с ним, стыдясь своей «врождённой насмешливости», он в порядке урока для себя записал: «Не судить человека по бараньей папахе и по крашеным ногтям». На остановке в селении Коби Александр Сергеевич отправил коляску со слугой, дорожным имуществом и архивом во Владикавказ. Здесь

он оседлал подаренного ему боевого коня. В Тифлис отправился верхом. На его поясе красовался боевой подарочный трофей. В пути влюблённый поэт записал: *«Нетерпение доехать до Тифлиса исключительно овладело мною. Я ехал мимо Казбека столь же равнодушно, как некогда плыл мимо Чатырдага».* Таково было его настроение. В реальности он по-прежнему не праздный путешественник. Продолжая географические наблюдения окружающей местности, внёс в записи её особенности: *«...близ Коби ночью застала меня буря. Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище. Белые оборванные тучи перетягивались через вершину горы, и уединённый монастырь, озарённый лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками».*

Подобные впечатления, как и прежде, развивали его воображение, воздействовали на поэтические струны его влюблённого сердца. В Россию стихотворец возвращался с яркой зарисовкой своего видения горной гряды, расположенной между Чёрным и Каспийским морями. До сего дня современный читатель стихов Александра Пушкина переносит на себя его восприятие впервые увиденной им панорамы гор: *«Кавказ подо мною. Один в вышине //Стою над снегами*

у края стремнины; //Орёл, с отдалённой поднявшись вершины, //Парит неподвижно со мной наравне. //Отселе я вижу потоков рожденье //И первое грозных обвалов движение».

В любовных мечтах путешественника, возвращавшегося в Москву, на сей раз только один адрес. Вспоминая о нём, он всё чаще думал о своей избраннице. До осуществления встречи с Натальей Гончаровой ему предстояло преодолеть 1843 версты.* Окончательно представляя себя женихом, Александр Пушкин возвращался к московскому дому родителей своей избранницы.

Тифлис – Москва

В Тифлис верхом на боевом коне доброволец заехал 1 августа 1829 года. Здесь на четыре дня он остановился у редактора «Тифлиских ведомостей» Павла Степановича Санковского. Вместе с ним и Потокским, прогуливаясь по городу, Александр Сергеевич зашёл на городское кладбище. Н.Б. Потокский сохранил о том посещении погоста своё воспоминание: *«...ещё свежую тогда могилу Грибоедова, перед коей Александр Сергеевич преклонял колена и долго стоял, наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слёзы».*

* От Тифлиса до Москвы по наземному пути 1967 километров.

На расспросы, почему он вернулся из действующей армии, в Тифлисе он отвечал уклончиво. Упреждая будущее подобных вопросов от друзей и читателей, в свои записки доброволец Отдельного корпуса армии на Кавказе внёс предтечу причины оставления им Нижегородского полка: *«Узнал я от Коновницына, стоявшего в карауле, что в Арзруме открылась чума. Мне тотчас представились ужасы карантина, и я в тот же день решил оставить армию. ...Граф предлагал мне быть свидетелем дальнейших предприятий. Но я спешил в Россию»*. Покидая Тифлис, Александр Пушкин оставил в знак признательности за проявленное гостеприимство Павлу Санковскому *«на память своего боевого коня»*.

Из Тифлиса во Владикавказ Александр Сергеевич Пушкин выехал с Руфином Ивановичем Дороховым. Сын генерал-лейтенанта Ивана Семёновича Дорохова отличался «бешеной храбростью» в сражениях с противниками. За проявленную им отвагу в войне с османами бывший сторонник антигосударственного мятежа на Сенатской площади Руфин Дорохов был восстановлен в звании офицера, награждён золотой саблей и аннинским темляком. По приезде во Владикавказ Александр Сергеевич и Руфин Иванович встретились с Михаилом Ивановичем

Пушциным. Он прибыл из действующей армии «на воды» лечить раны, полученные в боях. Их встреча происходила, на первый взгляд, в порядке рядового и проходящего дорожного случая. Для Александра Пушкина присутствие Михаила Пуштина оказалось незабываемым событием. От старшего брата своего лицейского друга Ивана Пуштина он получил мощный заряд опыта личной психологической защиты на будущее.

Во Владикавказе, беседуя с Михаилом Пушциным в гостинице, Александр Сергеевич обратил внимание на русский журнал, лежащий на столе. На его страницах он прочитал статью с резкой критикой на своё поэтическое творчество. Автор публикации «всячески бранил» не только стихи, но и самого поэта. На лице Александра Пушкина, читавшего критическую брань в свой адрес, отразились недоумение и открытая взору его товарищей растерянность. Окончательно расстроиться он не успел. Его развеселил Михаил Пуштин. Он предложил ему прочитать чей-то «маралкин труд» ещё раз, но вслух для всех присутствующих. К этому Пуштин порекомендовал Пушкину сопровождать чтение соответственным «мимическим искусством».

Пушкин, обладавший мастерством артистической мимики, тут же исполнил рекомендацию боевого офицера. В итоге, читая статью

ничтожного критика, Александр Сергеевич сопроводил мимикой лица всю комичность и глупость содержания статьи. Артистически исполняемое им чтение критики в свой адрес вызывало у его товарищей громкий хохот. Дружеская и потешная атмосфера, перевернувшая содержание критики в комедию, полностью погасила досаду стихотворца. Опыт, подсказанный Михаилом Пуциным, направил Александра Пушкина на применение действенного приёма психологического преодоления откровенной лжи и злого навета. В будущем ему не требовалось присутствие слушателей. Достаточно большого зеркала.

Во Владикавказе Пушкин оказался свидетелем горячего спора между Пуциным и Дороховым. Мирная поначалу беседа двух боевых офицеров в одно мгновение перешла в начало непримиримой ссоры. Острота слов и вспыхнувшие своим боевым духом характеры двух русских воинов ничего хорошего не предвещали. Александр Сергеевич аккуратно, не принижая достоинства ссорящихся мужчин, постарался урезонить пламень их ссоры. Причина возникшего раздора офицеров не была рядовым спором. В основе его располагалось заступничество Михаила Пуцина. Он открыто возмущился беспричинной драчливостью Руфина Дорохова с посторонними

людьми и с его же слугами. Примирение Пуцина с Дороховым, при посредничестве Пушкина, сопровождалось у них отдельной договорённостью. Дорохов и Пуцин сговорились с Пушкиным в пути от Владикавказа до Пятигорска *«до вод в карты между собой не играть»*. Для них в пути нашлось другое занятие. Оно более 200 лет сопровождает русских мужчин, сидящих в карете и купивших проездной билет в железнодорожный вагон в одно купе. Следуя в одной коляске, боевые офицеры и доброволец весело и непринуждённо опустошили *«ящик отличного рейнвейна, который Раевский дал на дорогу»* Александру Пушкину.

В Пятигорске срок договора, утверждённый на дорогу, у спутников окончился. Азартные игроки Пуцин и Пушкин сели метать денежный банк, разыгравая его в карты. Руфин Дорохов попытался остановить азарт картёжников, ссылаясь на договор. В итоге собственных уговоров он сам оказался втянутым в игру. Азарт увлёк и его. Играла троица приятелей почти неделю. Из Пятигорска в Кисловодск приехали двое. Расстроенный и проигравшийся Руфин Дорохов отстал. По воспоминаниям Михаила Пуцина о своих соперниках по игре в карты, «оба проигравшиеся до копейки. Пушкин проиграл тысячу червонцев,

взятых им на дорогу у Раевского». В письме к брату Ивану Пущину 25 августа 1829 года он написал: «Лицейский твой товарищ Пушкин, который с пикойю в руках следил турок перед Арзрумом, по взятии оного возвратился оттуда и приехал ко мне на воды, — мы вместе пьём по несколько стаканов кислой воды и по две ванны принимаем в день». О том, что он обыграл его друга и Дорохова, Михаил своему брату не признался. Когда настал день отъезда из Кисловодска, у Александра Пушкина в кошельке присутствовала пустота. Михаил Пущин одолжил ему из выигранных им денег «на путевые издержки».

В дорожную компанию из Кисловодска в коляску к Пушкину навязался сарапульский городничий Дуров, брат «девицы-кавалериста» Дуровой. Он направлялся в сторону Москвы, с его слов, с пустым кошельком. В дороге оказалось, что деньги у попутчика были. Дуров пустил их в оборот картёжной игры с Пушкиным. Через несколько дней в Кисловодск к Михаилу Пущину из Новочеркасска поступило письмо от Александра Пушкина. Он с сожалением сообщил ему о том, что его компаньон *«выиграл у него пять тысяч рублей, которые... достал у наказного атамана Иловайского, и, заплативши Дурову, в Новочеркасске с ним разъехался, и поскакал один в Москву»*. Это

был скрытый манёвр должника с просьбой об отсрочке долга. В «Заметке о Дурове» Александр Сергеевич отразил несколько иной итог игры с братом героини Отечественной войны: *«Я познакомился с Дуровым на Кавказе в 1829 году, возвращаясь из Арзрума. Он лечился от какой-то удивительной болезни, вроде каталепсии, и играл с утра до ночи в карты. Наконец, он проигрался, и я довёз его до Москвы в моей коляске»*. В дом к Гончаровым приехать без копейки денег, но при трофейной сабле жениху представлялось зазорным. Пустой личный кошелёк в доме невесты — плохая примета. Пушкин постарался в пути обыграть своего попутчика Дурова, замиравшего каждый раз в позе каменного идола от очередного своего проигрыша. По этой причине Александр Сергеевич вынужден был терпеть и везти своего попутчика не до Новочеркасска, а до Москвы.

Возвращение добровольца Пушкина в Москву было зафиксировано местными жандармами. Полицеймейстер Миллер 20 сентября 1829 года в секретном рапорте московскому обер-полицеймейстеру сообщил: «Честь имею сим донести, что известный поэт, отставной чиновник 10 класса Александр Пушкин прибыл в Москву и остановился на Тверской части, 1-го квартала, в доме Обера, гостиница «Англия», за коим секретный надзор

учреждён». О прибытии Пушкина с Кавказа Миллеру доложил агент гостиницы, в которой поэт остановился на жительство. Исполнитель надзора не знал, а полицмейстер в информации проявил неточность в продвижении своего поднадзорного фигуранта по Москве. В содержании они упустили главное.

Александр Пушкин, приехав в Москву, сразу же проследовал по Никитской улице к дому семейства Гончаровых. После посещения дома своей возлюбленной он, с его слов, *«тотчас же отправился в Малинники к Вульфовым»*. Донесение из Москвы проследовало в Петербург по восходящей вертикали власти в кабинет императора. Первый краткий визит жениха в дом Гончаровых происходил в соответствии с его порывистым характером. Сергей Николаевич Гончаров, брат Натальи Николаевны Гончаровой, хорошо запомнил тот день 20 сентября 1829 года. Он вспоминал: «Было утро; мать спала, а дети сидели в столовой за чаем. Вдруг стук на крыльце, и вслед за тем в самую столовую влетает из прихожей калоша. Это Пушкин торопливо раздевался. Войдя, он тотчас спросил про Наталью Николаевну. За нею пошли, но она не смела выйти, не спросившись матери, которую разбудили. Будущая тёща приняла Пушкина в постели».

Вспоминая своё возвращение в Москву и первое посещение родительского дома невесты, в первой половине апреля 1830 года Александр Пушкин в письме к Наталье Ивановне Гончаровой откровенно изложил своё нетерпение: *«Сколько мучений ждало меня при моём возвращении! Ваше молчание, ваш холодный вид, приём... такой равнодушный, такой невнимательный. ...У меня не хватило смелости объяснить, я уехал в Петербург со смертью в душе. Я чувствовал, что играл роль довольно смешную, я был робок в первый раз в моей жизни, а в людях моих лет может нравиться молодой особе в возрасте вашей дочери не робость»*. В Москве с 1829 года впервые проявили себя две абсолютно не ровные, но парадоксально параллельные друг другу линии судьбы, сопровождавшие и решавшие его будущее. Первая линия судьбы находилась в ведении цезаря-цензора, проводившего за поэтом секретный надзор. Вторая линия располагалась в семье Гончаровых. Первой заведовала тайная полиция с её надзором и докладами императору. Второй управляла Наталья Ивановна Гончарова — будущая тёща Александра Сергеевича Пушкина.

Пользуясь услугой своего посредника Толстого перед отъездом из Москвы в апреле, он

положительного ответа на своё предложение от Гончаровых не получил. В своём содержании ответ оказался неопределённым и явно затягивал согласование срока сватовства. Решительное желание Александра Пушкина жениться на младшей дочери Николая и Натальи Гончаровых совпало с поступлением на его адрес официального письма из канцелярии А.Х. Бенкендорфа. Ссылаясь на императора Николая I, шеф жандармов изложил от его имени добровольцу Пушкину запрос: «по чьему позволению предприняли вы сие путешествие... по каким причинам не изволили вы сдержать данного мне слова и отправились в закавказские страны, не предупредив меня о намерении вашем сделать сие путешествие». Не отвечая на поставленные вопросы письменно, Александр Пушкин решил при личном общении с Николаем I объяснить причину своего самовольного выезда из Тифлиса в Закавказье. С этой целью 12 октября 1829 года он выехал из Москвы в Петербург.

По пути в столицу провинившийся перед цезарем-цензором поэт заехал в Старицкий уезд, в Малинники. Ему после неопределённого приёма в доме Гончаровых и сурового письма, направленного царём через графа Бенкендорфа, захотелось душевного тепла и любви. Не застав Алексея Вульфа у его родственников, герой взятия Арзрума 16

октября отправил ему письмо по месту его службы на берега Дуная: *«Как жаль, любезный Ловлас Николаевич, что мы здесь не встретились! То-то побесили бы баронов и простых дворян. <...> В Бернове я не застал уже толсто...ую Минерву. Зато Netti, нежная, томная, истерическая, потолстевшая Netti здесь. Вот уже третий день, как я в неё влюблён».*

После неопределённых ответов, полученных от Натальи Ивановны Гончаровой, оставленный «на потом» жених на пути в Петербург решил развлечься и предпринял попытку привычного пополнения своей романтической «коллекции». Совершив «заезд из Арзрума в Павловское» и пребывая несколько дней в Старице «для сбора некоторых недоимок», он отправил недвусмысленный отчёт в адрес А.Н. Вульфа о своём романтическом приключении, в котором участвовала «потолстевшая Netti». На это сообщение в адрес Александра Пушкина его друг, пребывавший на службе в гусарском полку, отреагировал вполне скептически. По этому поводу в свой дневник Алексей Вульф внёс запись: «Он не переменился с годами и возвратился из Арзрума точно таким, каким туда поехал, — весьма циническим волокитой». Свой недвусмысленный вывод Алексей Вульф сделал со ссылкой на письмо от его двоюродной

сестры Анны Керн. С ней Александр Пушкин провёл одну ночь в её доме. А.Н. Вульф частично прав по факту происходящего в Старице. Однако в перспективе в личной судьбе «циничного волокиты» Александра Пушкина в конце 1829 года всё начинает складываться по непредсказуемому сценарию.

Отдохнув от длительного странствия в Старицком уезде, в Петербург Александр Сергеевич приехал с уверенностью и надеждами. Встреча с императором, на глубину содержания которой он надеялся, в столице состоялась. Но, вопреки его ожиданиям, она оказалась кратковременной. При встрече с царём самовольный участник взятия османской крепости Арзрум получил условное прощение. Николай I к Пушкину в процессе кратковременной беседы отнёсся весьма прохладно. Не состоялось то, на что надеялся поэт, вспоминая первую встречу с Николаем I в сентябре 1826 года. На этот раз взаимопонимание не состоялось. Уверенность и надежда поэта после его встречи с цезарем-цензором растаяла подобно туману на склонах горного Кавказа.

В столице он лично оправдывался перед Николаем I за свой самовольный выезд из Петербурга на Кавказ и участие в военном походе на Арзрум. Его короткая беседа с попыткой оправдания прошла безрезультатно. На момент беседы с Пушкиным им-

ператор Николай I тяжело болел. Его болезненное состояние естественным образом сказалось как на краткости собеседования, так и на глубине его содержания. Не помогло его деловому содержанию и предварительное письмо, отправленное загодя генералу А.Х. Бенкендорфу. В его содержании провинившийся доброволец 10 ноября 1829 года недвусмысленно и дипломатично изложил: *«Я чувствую, насколько положение моё было ложно и поведение – легкомысленно. Мысль, что это можно приписать другим мотивам, была для меня невыносима. Я предпочитаю подвергнуться самой строгой немилости, чем показаться неблагодарным в глазах того, кому я обязан всем, для кого я готов пожертвовать своим существованием, и это не фраза».*

В реальности за словом «фраза» сокрыто и никогда не будет озвучено потаённое решение поэта. Пушкин никогда не станет у царя «его Пушкиным». То, что он «готов пожертвовать своим существованием», — правда. К этому его обязывает пребывание в ряду сословного дворянства. Доказательство этому у него фактическое. Дворянин Александр Пушкин в одном ряду со своим братом Львом Пушкиным участвовал в боевом сражении Отдельного корпуса Паскевича, главкомом которого был император. Николай I никак не оценил его участие в боях в Закавказье.

У него на этот раз была своя цель. В условиях войны императору нужен был не военный доброволец, а придворный царский поэт со способностями вдохновлять воинов его армии.

Александр Пушкин, автор известных в Российской империи поэтических произведений, понимал скрытую цель своего цезаря-цензора. С его невысказанным желанием он не согласился бы никогда. Взаимное непонимание, болезнь императора, явная вина от самовольного пребывания за пределами Российской империи укрепили предвзятое отношение императора к своему подданному. Встреча, оправдание, выговор царя проявили первую трещину предстоящего разлома личных отношений между цезарем-цензором и поэтом. Её сигнальным признаком прозвучал категорический отказ Николая I Александру Пушкину выехать за пределы Российской империи «либо во Францию, либо в Италию». Отказ «посетить Китай с отправляющейся туда миссией» прочитывался мелочным издевательством. Дворянин, чиновник дипломатии и профессиональный лингвист Пушкин превосходно понимал внутреннее содержание слов отказа на свою просьбу.

Развитие неблагоприятных отношений Николая I с А.С. Пушкиным в 1830 году сдерживали два объективных фактора. В царском кабинете перед императором пытался оправдаться,

признавая свою вину, доброволец, награждённый боевым оружием за участие во взятии османской крепости Арзрум. Его имя в Петербурге повторялось в связи с выходом к читателям его поэмы «Полтава». Не столько самовольство Пушкина, сколько содержание поэмы вызвало недовольство к нему у Николая I. Многообещающее название поэмы по своему содержанию никак не возвеличивало имя императора Петра I. Приобретая и читая произведение Пушкина, читатель никак не мог пройти мимо слов поэмы: *«Прошло сто лет – и что ж осталось // От сильных, гордых сих мужей, // Столь полных волею страстей? // Их поколенья миновалось – // И с ним исчез кровавый след // Усилий, бедствий и побед»*. После поступления книги на прилавки по Петербургу и Москве прошло негласное указание на распространение мнения о несовершенстве содержания «Полтавы». Своим происхождением критическое и ничем не обоснованное мнение обязано польской стороне. На автора поэмы и её исторические выкладки активнее всех иных критиков выступал автор статей Ф. Булгарин. Его повсеместно поддерживал журналист Н.И. Надеждин.

Служивое дворянство после заграничных походов армии России с 1813 по 1814 год и декабрьского антигосударственного мятежа 1825 года переродилось. Покидая службу государству,

проживая в беднеющих крепостных поместьях, отставники расставались со смелостью и отвагой. Они стали опасаться своего прошлого поведения. Неслуживая масса новых дворян проявляла трусость, не свойственную победителям Наполеона. Трусливое дворянство опасно вдвойне. Оно безвольно и равнодушно, более всего устремлено на жительство за пределы России. На смену дуэлям, картёжному азарту и служению Отечеству шла размытая масса крупных и мелких латифундистов. Культурные салоны столичных аристократов закрывали свои двери. Распахивались двери зарубежных посольств. В Петербурге никого не возмутил запрет на поэму о победе Петра I и русского воинства над шведами и их союзниками. Читатели догадывались, что причина запрета на поэму и на прославление имени её автора исходила из национального интереса поляков. В 1709 году они вместе с гетманом Мазепой служили шведскому королю Карлу XII. После 1815 года мытьём и катаньем бывшие союзники Наполеона отправили Варшаву с её населением в подданство Российской империи.

После ухода с политической арены генералов и офицеров, победителей в Отечественной войне 1812 года, на авансцену страны во второй половине 1820-х годов взошла когорта их противников, выступающих

против ветеранов и героев войны с «дванадцатью языками» западных монархий. Прослойка нового поколения детей постаревших масонов-аристократов и их приверженцев-русофобов окружила трон царя. Во второй половине второго десятилетия XIX века она заняла выгодную для себя соглашательскую позицию. Все активные личности, отстаивавшие национальные интересы народов России и Русскую Культуру, вынужденно отступили под натиском проевропейской политики Николая I.

Своё безволие царские чиновники в городах и губерниях империи довели до критического состояния. Проявилось оно в Москве, а затем и в Петербурге. В 1830 году, после пяти лет самодержавного диктата, усмирением холерных бунтов в Москве довелось заниматься царю. В толпу бунтующих москвичей отправился глава Российской империи Николай I. Накануне тревожных событий слова 25-летнего юнкера Алексея Вульфа, записанные им в дневник 20 ноября 1829 года, представляются отражением значительной части общественного мнения Российской империи: «Вот наступил 5-й год царствования Николая; <...> но мало, кажется, сделалось улучшений в продолжение этого времени. Мы окончили две войны — взяли с правоверных много золота, но последнее много стоило нам крови, государству мало они

принесли пользы. <...> Надолго, кажется, мы спокойны от крамол — это поколение, по крайней мере, умирилось. За будущее, однако, нельзя поручиться, если не искоренят причин, возбуждавших первый бунт».

В своём предположении о перспективе внутренней политики при Николае I дворянин-крепостник А.Н. Вульф оказался близок к реальности. Молодой офицер, служивший в действующей армии, оказался наблюдательным воином, способным к анализу реального состояния дел её полководцев. Он письменно зафиксировал героизм авангарда защитников Отечества и ничтожность их обеспечения со стороны тыловой службы. Не разочарование, а оценка рационально мыслящего Алексея Вульфа важна по части понимания того, на чём часто зиждется отвага русского воина. В дневник 7 января 1830 года Алексей Николаевич записал: «Чем больше глядишь, тем более встречаешь на каждом шагу здесь злоупотреблений и беспорядков. Как впереди армий, в голове колонн видишь всё, что есть лучшего, храбрейшего, — так сзади её, в обозах, в магазинах, лазаретах и пр., собрано, кажется, всё, что есть худшего в государстве. Распоряжение начальства тут отвечает людям, которых оно здесь употребляет... Наши полки поставили, например, в такие места, где нет продовольствия, так

что наши лошади с 13 декабря по сию пору не получали овса... теперь в исакчинском магазине отпускают нам гнилой овёс, два года лежавший под открытым небом. Как наградить начальство, по распоряжению которого во 2-й гусарской дивизии замерзало в один ночлег по 80 человек? 2-й корпус на двух переходах через Балканы оставил при тяжестях 4 000 человек, а пошёл вперёд только с остальными 3 тысячами. Подобных примеров можно насчитать множество».

О прошедшей встрече с царём и своих оправданиях перед ним за пребывание в Закавказье доброволец Пушкин рассказал Николаю Васильевичу Путяте. Его рассказ историк-любитель и мемуарист занёс в свои воспоминания. Император у Пушкина «спросил <...>, как он смел приехать в армию». Получив ответ о том, что «главнокомандующий позволил ему», государь возразил: «Надобно было просить у меня. Разве не знаете, что армия моя?» После заданного вопроса Александр Пушкин понял, что прощение за путешествие в Тифлис и посещение ставки главнокомандующего на территории Турции от императора ему не последовало.

Своё настроение после встречи с Николаем I герой взятия Арзрума отразил 15 ноября в письме к своему московскому приятелю С.Д. Киселёву: *«На днях приехал я в Петербург.*

<...> *В Петербурге тоска, тоска.* <...> *Скоро ли, боже мой, приеду из Петербурга <...> мимо Карса? По крайней мере, мочи нет – хочется.* Влюблённый поэт, не получивший прощения от цезаря-цензора за самовольное пребывание на территории Османской империи, пришёл к определённым выводам. В окончании 1829 года для него главным в жизни становится не настроение и мнение императора, даже не литературное творчество. Всех и всё начинал затмевать образ его невесты Натальи Николаевны Гончаровой. Александр Пушкин окончательно и бесповоротно решил связать с ней свою дальнейшую судьбу. После беседы с императором у него теплилось только одно заветное желание – вернуться в Москву и увидеть свою невесту. Настроение и мысли его целиком поглотило только это устремление. На Невском проспекте задумчивого поэта случайно встретил лицеист Царского Села, выпускник 1829 года. В разговоре с поэтом он спросил у него: «А позвольте спросить вас, где вы теперь служите?» Ответ Пушкина был крайне лаконичен: «Я числюсь по России».

Оставаясь верным своей привычке прогуливаться по утрам, он совершал пешие переходы из Петербурга в Царское Село. После прогулок по любимым садам загородной царской резиденции Александр Сергеевич прежним

путём возвращался в столицу. Движение умирало порывистость принятия необдуманного решения, возвращало его к терпению. Длительные переходы помогали ему анализировать планы и замыслы.

После первого знакомства Александра Пушкина с Натальей Гончаровой прошёл ровно год. Минувший 1829 год оказался богатым на события и встречи. Неопределённость перспективы со сватовством возродила желание совершить очередное путешествие. Поминая выговор от императора за самовольную поездку, Александр Сергеевич решил на этот раз официально испытать свою подневольную судьбу холостого дворянина. После празднования Нового года, 7 января 1830 года Пушкин написал запрос в адрес генерала Бенкендорфа: *«Так как я ещё не женат и не связан службой, я желал бы сделать путешествие либо во Францию, либо в Италию. Однако если мне это не будет дозволено, я просил бы разрешения посетить Китай с отправляющейся туда миссией».*

На эту вполне резонную просьбу свободный от каких-либо обязанностей дворянин знатного русского рода, имевший право выезжать за границу, через 10 дней получил через посредника ответ от императора. Бенкендорф от имени Николая I сообщил Пушкину: «В ответ

на ваше письмо 7 января, спешу известить вас, что Е.В. Государь Император не удостоил снизойти на вашу просьбу посетить заграничные страны, полагая, что это слишком расстроит ваши денежные дела и в то же время отвлечёт вас от ваших занятий. Ваше желание сопровождать нашу миссию в Китай также не может быть удовлетворено, так как все служащие уже назначены». На полях ответа сохранилась личная пометка царя. Для взрослого дворянина она содержала мелочное унижение от самого высокопоставленного лица империи. Царь письменно выразил замечание своему подданному.

Получив отказ от императора, участник взятия турецкого Арзрума неожиданно получил приглашение в избранное общество к французскому посланнику Казимиру де Рошешуар, герцогу де Мортемар, бывшему ординарцем у Наполеона. За военный поход на территорию Российской империи он получил титул барона. В 1828 году, после назначения посланником в Петербург, из Парижа направился сопровождать Николая I в его поездке в расположение Отдельного корпуса на театр русско-турецкой войны. После этой поездки он вернулся в Париж. После докладов королю Карлу X, из Парижа Мортемар направился в Вену. После посещения столицы Австрии в феврале 1829 года отправился в Петербург. На окраине российской столицы Мортемара встретил

флигель-адъютант Николая I и вручил ему орден Андрея Первозванного.

А.С. Пушкин прибыл во французское посольство, расположенное в бывшем особняке князя Д.П. Волконского на Дворцовой набережной. Одет он был в гражданский фрак. На подобной встрече в иностранном посольстве полагалось находиться в мундире. Проявивший только что заботу об экономии денег своего подданного, Николай I потребовал от Александра Пушкина «завести, <...> по крайней мере, дворянский мундир». Для усиления своего требования он передал ему через графа А.Х. Бенкендорфа своё высочайшее указание: «Впоследствии, в подобном случае, пусть так и сделает». Друзья и доброжелатели поэта, пребывавшие в царском окружении, предупредили Александра Сергеевича о наметившейся тенденции сближения цезаря-цензора с противниками его поэтического творчества. Информацию и представление по этой поре Пушкин выслушивал от них, но следовал им не всегда. Верх над опасностью брала смелость творчества и собственная самооценка своего положения в дворянском аристократическом обществе. Отсутствие опыта пребывания в царском окружении давало о себе знать до первого унижительного выпада со стороны императора. Встреча с Николаем I, на которой он рассчитывал поговорить о государственной службе, не

прибавила настроения. Разговор до этого не дошёл. Беседа ограничилась царским нареканием. Замечанию императора по поводу покупки мундира, как и на приглашение во французское посольство, Александр Сергеевич значения не придавал.

После встречи с царём и посещения посольства Франции к отъезду из столицы Пушкина подвигли поступившие к нему вести из Москвы. До его сведения дошла информация об активности родителей Гончаровых, вызволивших дочерей на смотрины среди потенциальных женихов Москвы. В семье Николая Афанасьевича и Натальи Ивановны на выданье две совершеннолетние дочери: Екатерина Николаевна и Александра Николаевна. Родителей и сестёр сопровождала младшая дочка — Наталья Николаевна. На фоне старших сестёр, по отзывам участников новогодних смотрин, она выглядела неотразимой красавицей. До совершеннолетия Наталье Гончаровой оставались 8 месяцев. С января 1830 года она переходила в положение невесты на выданье. О юной московской красавице заговорили не только в семьях потенциальных женихов Москвы. Из Петербурга на святки и празднование Нового года в старопрестольную столицу по традиции переехала основная часть императорского двора. На смотринах в обществе «августейших посетителей древ-

ней столицы» особо выделялась статная и миловидная младшая дочь Гончаровых. Юная барышня-дворянка Наталья Николаевна в январе стала открытием для аристократов Москвы и Петербурга. О явлении красавицы в семье Гончаровых узнал и самый главный ловелас империи. До Пушкина скоро дошло неприятное известие. В своих планах Николай I пожелал видеть Наталью Николаевну Гончарову в составе фрейлин своей жены.

Александр Пушкин, узнав про желание императора, принял решение опередить сладострастные мечты своего главного и самого опасного конкурента. Слух о будущей фрейлине императрицы Наталье Гончаровой дополнился известием о вероятности её замужества. Называлась и фамилия претендента. В январе 1830 года в письме к князю П.А. Вяземскому А.С. Пушкин с волнением спросил: *«Правда ли, что моя Гончарова выходит за архивного Меццерского?»*

Пётр Андреевич Вяземский с ответом другу поступил мудро. Он попросил офицера Ивана Дмитриевича Лужина на очередном праздничном мероприятии пригласить на танец Натальи Гончарову. Исполнив поручение и побеседовав с партнёршей, Лужин проследовал из Москвы в Петербург. В столице он встретился с Пушкиным и передал ему не только от Натальи Николаевны, но и от её матери

поклон. Жених, обрадованный приветом от будущей тещи и невесты, в начале марта 1830 года покинул Петербург и вернулся в Москву. На переезд поднадзорного поэта в секретном порядке 15 марта 1830 года отозвался своим рапортом московский полицмейстер Миллер: «Секретно. Чиновник 10 класса Александр Сергеев Пушкин 13-го числа сего месяца прибыл из С.-Петербурга и остановился в доме г. Черткова в гостинице Коппа, за коим учреждён секретный полицейский надзор». Более подробное донесение московскому военному губернатору поступило от генерал-майора А.С. Шульгина. Он доложил: «13 марта 1830 года г. Пушкин возвратился из Петербурга в Москву и остановился в Тверской части в доме Черткова, в гостинице Коппа (нынешнем доме Обидина, в Глинищевском пер., между Тверской и Б. Дмитровкой)».

Полицейская секретная работа в надзоре за передовыми и влиятельными персонами Российской империи, организованная начальником тайной полицейской службы М.Я. фон Фоком, исключала бюрократию и рутину, в сравнении с иными чиновничьими структурами царского правительства носила высокоорганизованную профессиональную исполнительность. Итоги порученного надзора оформлялись короткими донесениями. Этому была причина.

После реорганизации системной службы III отделения, проведённой по инициативе фон Фока, со второй половины 1826 года по всей территории империи проходило становление профессионального секретного полицейского надзора. Штат тайной и надзорной полиции пополнялся из числа офицеров разведки и контрразведки Российской империи. Инициатива кадровой политики не оправданного ничем перевода профессионалов исходила от немца фон Фока. Под предлогом надзора за неблаговидными подданными императора при Николае I состоялся подрыв государственного звена, обеспечивающего внешнюю безопасность Российской империи. Перевод лучших кадров разведки и контрразведки в тайную полицию значительно понизил профессионализм и результативность их работы. Он нарушал доверительные связи с зарубежными агентами, выстроенные с 1815 года.

В России к началу 1830-х годов среду дворянства заполнила круговая мнимая подозрительность. В III отделении тайной полиции действовало подразделение, негласно ведущее надзор за поэтами, писателями и журналистами. Наёмные и добровольные агенты этого подразделения, внедрённые в среду творческих личностей Петербурга и Москвы, распространяли слухи. Они предназначались для

дискредитации личности и подрыва чести в обществе. Содержание слухов сочиняли в ведомстве фон Фока. Живые легенды порождали и генерировали сплетни вокруг наиболее популярных и влиятельных патриотов Российской империи. В первую очередь они преследовали имена ветеранов и полководцев Отечественной войны 1812 года. С годами под преследование подпали имена ветеранов войны на Кавказе и на Балканах. Многие современники эпохи зарождения тайного преследования и опалы, поверившие наговорам, испугались за свою судьбу. Их имена канут в безвестность времени. Трусость среди служивого и помещного дворянства станет превалировать над смелостью суждений и независимым поведением. Самые трусливые освободят дружеские и товарищеские места около имени поэта Пушкина. Страх перед царской властью императора, проявлявшего деспотические наклонности, позволит клеветническим слухам вонзаться в имя русского поэта. Они окажутся подобны репьям. Как известно, репьи снимаются, шипы от них остаются.

Клевета вокруг имени Александра Пушкина и страх, исходящий от боязни перед самодержавной властью царя, отпугнут от него многих, кто с ним находился в дружеских отношениях. Верным другом останется меценат и коллекционер Павел

Нащокин. Надёжный друг Соболевский, при всей его преданности Пушкину, часто пребывал в разъездах и надолго уезжал за границу. Наиболее близких и любимых своих друзей Ивана Пуцина, Вильгельма Кюхельбекера и Антона Дельвига Александр Пушкин потерял по различным причинам.

Однокурсником по учёбе в Лицее Царского Села Вильгельм Карлович Кюхельбекер после окончания училища был зачислен вместе с коллежским секретарём А.С. Пушкиным в Коллегию иностранных дел. Одновременно с этим, испытывая на себе сильное влияние масонской идеи о справедливости, в 1817 году Вильгельм вступил в тайное общество «Священная артель». В 1820 году он подал в отставку с государственной службы и выехал за границу. После заграничной поездки Кюхельбекер вернулся в Россию. С 1821 по 1822 год он служил с чином коллежского асессора при генерале Ермолове на Кавказе. После участия в дуэли вынужден был вторично подать в отставку. С 1823 по 1825 год он вначале жил в Москве, затем в Петербурге. На Сенатской площади 14 декабря 1825 года В.К. Кюхельбекер выступал одним из самых активных участников вооружённого государственного переворота. Ареста после разгона мятежа он избежал. Ему помогли скрыться в Польше. Вильгельм

Кюхельбекер был одним из самых подготовленных и осведомлённых заговорщиков. Он скрывался в Варшаве по подложным документам. Его активно искали. По информации, поступившей от Ф. Булгарина, беглец был опознан и задержан. В феврале 1826 года В.К. Кюхельбекера доставили из Варшавы в Петербург и заключили в Петропавловскую крепость. С 1827 по 1831 год он содержался в различных местах заключения. С октября 1831 года возобновил службу в арестантской роте в Свеаборге. С 1835 года был отправлен на поселение в Иркутскую губернию. С апреля 1845 года жил в Кургане. Через год выехал на лечение в Тобольск. Здесь 19 марта 1846 года он умер от чахотки.

Друг и однокурсник А. С. Пушкина по учёбе в Царском Селе Иван Иванович Пущин после окончания Лицея проходил военную службу прапорщиком в лейб-гвардии конной артиллерии. На службе он согласился с предложением гвардейских офицеров, вступил в тайное общество «Священная артель». В январе 1823 года с военной службы уволился. Продолжил службу И.И. Пущин в Петербургской уголовной палате. В январе 1825 года, находясь в гостях у А.С. Пушкина, поведал ему информацию о тайном обществе и привёз ему в качестве подарка текст рукописной комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». За активное

участие в тайном обществе заговорщиков и в мятеже на Сенатской площади в 1825 году И.И. Пущин в следующий год был приговорён Верховным судом к смертной казни. Император Николай I заменил ему казнь на пожизненную каторгу. Наказание мятежник отбывал в Читинском остроге и на Петровском заводе на протяжении 20 лет. В руки Ивана Пущина в Сибирь поступил стихотворный зов поэтической души Александра Пушкина: *«Мой первый друг, мой друг бесценный! // И я судьбу благословил, // Когда мой двор уединенный, // Печальным снегом занесенный, // Твой колокольчик огласил»*. После возвращения из ссылки в 1856 году И.И. Пущин подготовил к печати «Записки о дружеских связях с А.С. Пушкиным». Умер первый друг поэта России в 1859 году.

Преданный и надёжный друг, поэт и издатель барон Антон Антонович Дельвиг не по своей воле первым покинул своего холостого друга Александра Пушкина в возрасте 32 лет. Он умер, по официальной версии, от тифа. Прах его перезахоронен в некрополе мастеров искусств на Тихвинском кладбище Александрово-Невской лавры. О чрезмерно раннем уходе своего самого талантливой, доброго и искренне преданного друга А.С. Пушкин сообщил П. Плетнёву: *«Грустно, тоска. Первая смерть, мною оплаканная... никто на свете*

не был мне ближе Дельвига». На смерть Антона Антоновича Дельвига, ровно за шесть лет до своего собственного рокового дня, он запечатлел уход первого среди равных пророческой фразой «*Наши ряды начинают редеть*».

Среди иных, струсивших перед эпохой правления Николая I, никогда не изменит принципу литературного и товарищеского содружества с Александром Пушкиным поэт Василий Жуковский. В покровителях у него останется и высокопоставленный посредник Александр Бенкендорф. Участие генерала в его творческой судьбе поможет исполнить желание Пушкина стать историографом Отечества. В ситуации, решающей личную судьбу поднадзорного поэта, он окажет ему содействие. В итоге оказанной им помощи состоится спасение души и сердца поэта. Александр Пушкин, преодолевая все преграды, которые он сравнит с турецкой крепостью Карс, добьётся руки и сердца своей суженой Натальи Гончаровой.

Основания для проведения надзора за ним после его самовольного выезда в Закавказье у полиции отсутствовали. Он выехал из Москвы, в Москву же и вернулся. Это подтверждается содержанием секретных донесений. Однако слежка за ним не только продолжилась, но и дополнялась надуманными слухами, порочащими его честь.

Недобрые разговоры в его адрес активно генерировались не только в Петербурге. Они распространялись и среди московского дворянства. Компрометирующая и надуманная клевета исходила из секретного полицейского ведомства фон Фока. Шеф III отделения генерал А.Х. Бенкендорф в распоряжения начальника тайной полиции вносил свои коррективы. Он пресекал его негативную инициативу в отношении поэта Пушкина. Подобному отношению было веское основание.

Генерал Бенкендорф после возвращения Пушкина с Кавказа сделал вывод. Творческое наследие А.С. Пушкина неценно. Оно ему близко по своему содержанию. Александр Бенкендорф с молодости составлял записи событий, коим являлся свидетелем. Начало им он положил в период инициативного участия в разведывательном путешествии с 1803 по 1804 год за Урал в Сибирь. Бенкендорф, как и его подопечный поэт, в длительном походе проводил собеседования с участниками и свидетелями местных событий. Записывая свои наблюдения, он сохранил потомкам Русской страны много сведений и выводов по Сибири и Заполярью.

Глава III отделения понимал, что своим трудом путешественника, наблюдателя и аналитика Пушкин сохранял реальные факты по исторической географии и

истории событий на Кавказе и в Закавказье 1829 года. Его занятие в пути сравнимо с упорством и опасностями первопроходца и золотодобытчика. Для будущего России записи Пушкина бесценны. Кроме ведения путевых заметок, Александр Пушкин заложил фундамент для становления методологии сравнительного анализа первоисточников с реальными фактами с места событий. Он дополнил этот метод проверкой сведений на местности их происхождения.

Отправляясь в формально разрешённое, но, по сути, самовольное путешествие в расположение действующего Особого корпуса Русской Армии, освобождающего Армению и Грузию от османского колониального владычества в 1829 году, поэт А.С. Пушкин, начиная с Георгиевска, вносил записи в свой «Кавказский дневник». Первая же запись с его личным впечатлением о встрече с А.П. Ермоловым при её прочтении оставляет исторический факт, высказанный генералом в первой половине XIX века. Ветеран войны Алексей Петрович Ермолов, говоря об освободительной войне народов

Кавказа Русской Армией, высказал свой вывод: «Лет через 50 подумают, что в нынешнем походе была вспомогательная прусская или австрийская армия, предводительственная такими-то немецкими генералами». Отстранённый от службы императором Николаем I опытный русский полководец оказался в историческом сегменте военной мысли ближе всего не к итогам 50 лет, а на протяжении предстоящих двух веков.* Своим потомкам он оставил военно-исторический символизм Русской Правды. Символизм скрытого поражения России после побед её армии от Ермолова в военную историческую литературу внёс Пушкин. После вывода, представленного литератору Пушкину генералом Ермоловым, страницы военной истории за истекший период XIX и XX веков неоднократно переписаны в угоду «Европе» в самой России. Наиболее интенсивно они переписываются с начала текущего века. В современной зарубежной истории главная роль воинов и полководцев Русской страны в победах над авторами мировых войн не только значительно принижена. Более

* Метод сравнительного анализа исследователя и путешественника А.С. Пушкина с окончания XX века представил современному читателю вывод от А.П. Ермолова. В войне с Наполеоном зарубежная история триумфаторами побед представляет англичан и немцев. В войне с гитлеровской Германией главным победителем сегодня представлена армия США в союзе с Англией и Францией. Памятники героям Красной Армии СССР разрушаются от Киева по всей «Европе». Подвергались они разрушению и в самой России. Первым в конце XX века пал памятник защитнику Отечества Ф.Э. Дзержинскому.

того, победы Русской Армии из учебников истории и литературных произведений зачастую элементарно вычеркнуты. Два десятилетия кряду с постаментов свергаются памятники русским защитникам в Болгарии, Греции, Польше, Чехии, Польше и прибалтийских странах. По всей «Европе» истребляется слово «русский». Ко всему русскому, по лекалам прошлого, генерируется сегодня озлобленная ненависть среди населения в Финляндии, Швеции и Норвегии. Озлобленная ненависть к России среди потомков «озлобленных сынов» перемежается с откровенной мстостью. Она имеет историческую причину, исходит от триумфальных побед народов Русской страны над разбойными вторжениями врагов на территорию Русской земли. Генерация этой ненависти свидетельствует о главном. Англосаксонский мир колониальных в 20-е годы XX века стран Запада теперь, в 20-е годы текущего века, приступил к очередному переделу территории континентов всего мира. Первым вестником о грядущих потрясениях, ожидающих мир России и Азии, выступил Русский Поэт Александр Пушкин. Он первым проанализировал и представил читателям Русского Отечества фактическое начало озлобленной мести со стороны европейских стран с 20-х годов XIX века. Опережая грядущие события, в мае

1829 года Александр Пушкин услышал и запомнил вывод боевого генерала Алексея Ермолова, запомнил и записал для прочтения его потомками народов Русской страны. Он не просто составил свои записки. Приняв решение заняться историографией своего Отечества, он лично восстал против исторического лживого безобразия, творимого заграничными публицистами и доморожденными русофобами, преклонявшимися перед «западными ценностями». Осуществляя своё путешествие на Кавказ и по Закавказью, занимаясь впоследствии исследованиями архивных первоисточников, Александр Пушкин обнаружил искажения минувшей истории и сокрытие фактических событий. Фальсификация и утаивание проводились на основе строгой государственной секретности.

Страницы истории Русского государства и Российской империи сознательно переписывались, первоисточники заменялись подложными документами. Если не удавалось совершать подлог, первоисточники крали, утаивали или сжигали. Имперская форма правления с деспотичной формой личного царского самодержавия способствовала разрушению основ нравственности, истории и права русской государственности. Влияние этого разрушения на себе лично испытал потомок старого русского

боярского рода Пушкиных. Добровольное участие Александра Пушкина в войне с Османской империей в Закавказье насторожило внимание императора Николая I. Своим вольным поведением, вызывающим недовольство царя, Александр Сергеевич привёл в замешательство многих своих друзей.

Тенденция сокращения круга его товарищей начиналась ещё с периода его освобождения от ссылки в Михайловском. Она прослеживается по письмам, написанным им с 1826 по 1829 год. В 1826 году Пушкин отправил своим адресатам 37 писем, в 1827 — 26, в 1828 — 27, в 1829 — 14. В 1830 году он вынужденно нарушил эту тенденцию. Накануне своей свадьбы поэт вынужден был активизировать свои деловые связи с издателями. Книгоиздание сочинений окончательно перешло у него в единственный источник дохода. В 1830 году он направил в различные адреса 61 письмо. На следующий год заполнил посланиями 69 конвертов.

Накануне потери своего преданного друга Антона Дельвига у Александра Пушкина произошёл самый существенный и жизнеутверждающий поворот в судьбе. Решительный его порыв к желанию обзавестись семьёй

совпал с началом перехода от литературного творчества к труду исследователя истории Русского Отечества. В России, когда мужчина собирается жениться, ему говорят: «Первая жена — от Бога. Вторая — от людей. Третья — от чёрта». В судьбе Александра Пушкина последовательность совершалась в обратном порядке. Первая попытка обзавестись женой ему предлагалась от чёрта, вторую невесту ему посулили люди. В третьей попытке Бог послал ему ангела в девичьем облики. Тот момент сохранился в истории русской литературы. Он представляется фонтаном чувств поэта к божественной природе и к своей избраннице. Яркими и звонкими словами в «Зимнем утре» они ожили под скрип его поэтического пера.

Рождение стиха прошло после встречи с избранницей, посланной ему Богом: *«Мороз и солнце; день чудесный! // Ещё ты дремлешь, друг прелестный — // Пора, красавица, проснись: // Открой сомкнуты негой взоры // Навстречу северной Авроры, // Звездою севера явись!»* Наряду с этими поэтическими строками Русской стране Северной Азии эпоха «железного века» явила историографа Александра Пушкина.